

автор Дедушка Логантия

Сказки Дедушки Логантия

дедушка Логантий

Сказки дедушки Логантия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68893989

SelfPub; 2023

Аннотация

Куда исчезли единороги? Что случится, если откликнуться на сомнительную вакансию? Почему улыбается Настя? Какие истории может поведать Китобой? Где вход в параллельную вселенную? На эти и другие вопросы читатель может нечаянно найти ответ в этом сборнике современных рассказов

Содержание

Зимняя серия	5
Дерзкая волшебная корова	5
Сказка о белых медведях, Насте и чудесных событиях	9
Снежный трепет декабрьской ночи	23
Волшебная маска	28
Сказка про слоеный пирог	33
Сказки параллельной вселенной	37
Сказка про охотников	37
Сторожевая башня	44
Карл и запертая в яму девушка	48
Сказка на ночь	58
Настя улыбается	75
В розовом цвете	87
Шепчущая коробка	96
Находка	102
У неба нет потолка	107
Без названия	110
Чем закончится и что от всех от них останется?	114
Долгие путешествия	117
Глава первая	117
Глава вторая	124

Глава третья	126
Страшные сказки	128
Нежданный незванный гость	128
Ламия	131
Маменька	138
События минувшей осени	145
Сказки из послесловия	149
Сказка про бурого мишку	149
Китобой	152
Пожиратель обезьян	155
Охотник на крокодилов	158

дедушка Логантий

Сказки дедушки Логантия

Зимняя серия

Дерзкая волшебная корова

Единороги и пегасы питались ее молоком. Слетались, сходились со всех краев Земли. Это была волшебная корова, молоко которой не иссякало никогда.

Она лежит в глухой сибирской степи среди дремучих таёжных лесов, среди белых снегов. Светит круглое лицо луны, посеребряя снег и ее шкуру и её богатые расписные рога. В том месте, где лежит волшебная корова, растет молодая трава и цветут луговые цветы. Верите вы или нет.

Корова спокойно жует траву, выталкивает в студёный ночной воздух клубы теплого дыхания своего. И нет такой силы на Земле, которая бы разрушила ее мир и ее покой.

Вот бредет лениво благородный единорог. Он вышел из густого, непроходимого леса, и за ним тянется длинный след. Его путь был долог. Он неторопливо пробирается через глубокие снега, его рог сверкает словно усыпанный бриллиантами. Добредя до волшебной коровы, единорог припадает к

ее щедрому вымени и досыта пьет жирное вкусное молоко. Корова не требует благодарности.

Взрывая снег, приземляется тут же пегас. Гигантские крылья его послушно ложатся на грациозной спине, он склоняет величавую голову и обращается к корове:

– Я пролетал над горами. И видел, как человек преследует раненого единорога. Единорог не знает, что человек идет по кровавому следу, и идет к тебе за исцелением. Будь осторожна.

И пегас расправил крылья, взмахнул ими, подняв снежную пыль, и улетел в темное небо. От одного взмаха его крыльев по всей округе поднялась метель.

– Опасность угрожает тебе, если мой брат доберется сюда до рассвета, – молвил единорог, который минуту назад пил молоко, – Но неминуемая гибель грозит ему, если он не поспеет раньше. Решать тебе, волшебная корова. Ведь ты можешь подняться и затеряться в таёжных лесах на тропах, которые не ведомы никому в целом свете.

Корова размеренно жевала свою траву, задерживала дыхание и с силой выталкивала через ноздри воздух, который теплым облаком окутывал ее мерцающую в лунном свете шкуру. Корова подняла свой спокойный взгляд на единорога.

– Встань позади меня. Пегас поднял пургу – даже если человек не заблудится в лесах и придет сюда, он не увидит тебя за пеленой лунного света, что падает на мою шкуру. Твой

брат прибудет до рассвета, отведает моего молока, и вы скроетесь в лесах. А человек потеряет меня из виду с первым солнечным лучом.

Единорог не смел перечить волшебной корове и встал позади снопа лунного света, что мерцая падал на ее шкуру. И вскоре вдали появился раненый единорог. Он плелся, собирая последние силы – жизнь покидала его. Но и человек не мог его настигнуть, потому как снега были глубоки, леса непролазны, и была сильная метель.

Раненый единорог добрался до волшебной коровы, которая спокойно жевала свою траву. Он напился молока, раны его вмиг затянулись, и он смог с новыми силами подняться на ноги. Брат его увлек в дремучие леса, и они благополучно скрылись.

Но рассвет не спешил, а человек видел всю сцену с исцелением смертельно раненого единорога. Он онемел от изумления. И подумал: " Вот хорошо, гнался за единорогом, а нашел корову, которая исцеляет безнадежно больных ". И он ухмыльнулся, довольный, в предвкушении славной добычи.

Человек приплелся к корове, уставший от долгой гонки сквозь снега. Он увидел, что там, где лежит корова, растет молодая трава, а воздух вокруг наполнен невиданным блеском и мерцанием, словно тысячи светлячков повисли в нем.

Человек не стал дожидаться восхода солнца и в нетерпении направил на корову оружие.

– Так ты, может, и желания исполняешь?! – обратился было он к корове. И захохотал, – а, Золотая Рыбка?!...

Корова вдруг перестала жевать, вытолкнула в воздух еще одно облако теплого дыхания, поднялась на ноги, на удивление прочно оперевшись массивными копытами в рыхлый, топкий снег.

– Всякая тварь обращается ко мне с великим почтением. Я не требую благодарности, но и подобного не потерплю. От тебя, мерзкий прыщ на щедрой шкуре этой земли!

С этими словами корова забодала человека с оружием и ушла еще дальше в тайгу.

С тех пор исчезли пегасы и единороги. Но они не вымерли от голода, а ушли вслед за волшебной коровой. Поговаривают, что тот человек, что погиб от рогов волшебной коровы, нес на загривке дитя. Дитя это так и не нашли – словно ребенок растворился в воздухе.

Но вот лежит корова. Ночь. И зима. Шкура ее мерцает, рога ее богато украшены неземной красоты узорами. Вокруг на зеленом лугу пасутся пегасы и единороги, щиплют траву. А к вымени волшебной коровы присосался человеческий ребенок. Он возмужает и станет богатырем. Он будет защитником тех краев, где пасутся стада невиданных животных. И ни одна живая душа не ступит на здешние земли уже никогда.

Сказка о белых медведях, Насте и чудесных событиях

На дороге прямо напротив дома Насти стояли два больших белых медведя в шапках-ушанках из пойманных ими зайцев-беляков, в валенках и вязаных рукавицах. Медведи, словно озябшие уличные торговки, переминались с ноги на ногу, дышали на лапы, поджидали кого-то.

Настя замерла на пороге собственного дома с разинутым ртом, но двери в этот миг со скрипом и стуком захлопнулись, а колокольчики над дверью предательски зазвенели. Медведи тотчас обернулись и уставились на Настю во все глаза. Один из медведей толкнул второго в бок, второй всполошился и торопливо закивал. Они как сговорились и дружно замахали лапами Насте, мол, поспеши, мы заждались итак.

Настя в замешательстве оглянулась по сторонам, но, убедившись, что ей не привиделось и медведи вправду машут ей, отважно шагнула навстречу. А они, протянув Насте свои огромные мохнатые лапы в вязаных рукавицах, взяли ее за руки и пошли по освещенной одноглазыми желтыми фонарями улице.

Снег под их ногами сверкал, деревья стояли в белых шубках по самую макушку, поднялся настоящий буран. Лапы медведей оказались такими теплыми, что ладошки у Насти вспотели, но высвободить руки она не решалась: уж больно

вид у ее спутников устрашающий.

Город как-то внезапно закончился, а дорога, сверкая и переливаясь, манила и манила вдаль. Когда свет фонарей совсем растворился за спинами путников, перед Настей стеной вырос лес.

А в лесу пушистые еловые ветки в снежных шапках обрамляли дорогу, нарочно кем-то прочищенную. Настя любовалась зимней красотой, но ноги стали уставать, а щеки разрумянились от стужи.

Вдруг Настины попутчики остановились. Один из медведей отошел к обочине, нырнул в глубокий сугроб, никак не меньше его самого, а вынырнул оттуда с санями в лапах. Двое саней медведь расположил на дороге, и только тогда Настя обнаружила, что дорога резко уходит вниз, словно гигантская ледяная гора, и теряется вовсе из виду. Вся компания разместилась на санках, и первый медведь, оттолкнувшись массивными лапами, помчался вниз с горы. Второй медведь с Настей последовали за ним. Со свистом и звоном мчали сани под уклон. Мимо проносились снежные горы, деревья и кустарники в серебристых шубках.

Долго ли коротко неслись медведи и Настя в снежном буране, не видя ни зги, благополучно минуя ухабы, сугробы и виражи, но вот склон стал заметно менее крут, и сани замедлили свой бег. Когда сани, наконец, остановились, компания очутилась на поляне в окружении чащи лесной. А посреди стояла бревенчатая изба. В окнах и на широком крыльце го-

рел яркий свет.

Снегопад неожиданно прекратился, небо над головой выяснилось, обнажая миллиарды звезд. Резко похолодало и Насте стало казаться, что каждый ее выдох замерзает налету.

Медведи встали, отряхнулись и помогли Насте выбраться из санок. Снова взяли ее ручки в свои лапищи и направились напрямик к незнакомому дому. Из трубы валил дым, а это значит в доме топится печка, там тепло и даже, возможно, найдется, чем перекусить. Уж очень Настя проголодалась от прогулки на свежем воздухе. Да и у медведей заурчало в животах.

Когда компания приблизилась к широкому дощатому крыльцу, Настя заметила, что оно все обледенело. На крыльце под навесом рядами висело белоснежное белье, от белья шел густой влажный пар, а между рядами в клубах пара мелькала какая-то фигура.

Один из белых медведей довольно громко кашлянул из вежливости, по-видимому. Кашель получился довольно громкий и больше смахивал на грозный рык, но фигура даже не вздрогнула, ничуть не испугалась, а продолжала невозмутимо напевать себе под нос какую-то песенку.

Настя, как ни старалась, все не могла разглядеть лицо хозяина дома. Только спустя мгновение незнакомец выбрался из облака окутавшего его теплого пара и оказался женщиной в тулупе, шали и валенках.

– Вот незваные гости, – сказала она вместо приветствия.

Настя во все глаза смотрела на хозяйку дома, ожидая приглашения войти. Женщина отворила дверь и жестом пригласила незваных гостей в дом. Внутри и вправду оказалось тепло, светло и уютно. Хозяйка поставила чайник на печь и указала гостям на старую вытертую софу возле печки.

– Здесь погрейтесь. Ночь глубока и темна. Мороз. В такую пору только совы качаются на ветвях, – сказала хозяйка дома, задумчиво глядя в замерзшее окошко, хоть там были лишь морозные узоры да тьма.

Чайник меж тем закипел, она достала чашки, заварила ароматный чай. Медведи с удовольствием принялись отхлебывать горячий чай из хрупких фарфоровых чашек в прикуску с медом. Настя последовала их примеру.

Под дверью снаружи кто-то заскреб, и хозяйка, всплеснув руками, впустила в дом большого черного кота. Кот сверкнул своими невероятными зелеными глазищами на гостей, важно переваливаясь, прошагал к своему блюдцу у печки и принялся лакать сметану.

– Совсем ошалела, – произнес он как ни в чем не бывало, – совы кругом, оставляешь кота на стуже.

– Да будет тебе, – отмахнулась от его слов хозяйка избы, – ну погулял чуток. Хотя вам, – обратилась она к гостям, – я бы не советовала в такую пору отправляться в путь. Разве что сани проезжать будут – поймаете.

– Сани–то твои сам черт не изловит, – ухмыльнулся кот. Тотчас он подошел к двустворчатому шкафу, что стоял в

темном углу, и стал расхаживать перед ним взад-вперед. Гостеприимная хозяйка мгновение не решалась пойти на поводу у черного кота, но уже через миг распахнула дверцы шкафа и вынула оттуда два массивных рюкзака, по всему видно, довольно тяжелые.

Пока Настя подносила ко рту кусок ржаного хлеба, обильно смазанного медом, медведи поставили свои чайные чашечки и уже снаряжались в эти причудливые рюкзаки, затягивали на себе бесчисленные ремни.

Настя жевала хлеб, припивая чаем, и только во все глаза наблюдала за ритуалом снаряжения больших белых медведей. Наконец, один из медведей подозвал Настю к себе, поднял ее над полом, а второй пристегнул ее к своему обмундированию, и Настя повисла в воздухе – так что оставалось только беспомощно болтать ногами и руками в воздухе.

После медведь надел Насте на руки рукавички и поправил шарф. А хозяйка чудной избы снова повернулась к шкафу, нажала там что-то, что-то повернула, отчего в шкафу заскрежетало, и задняя стенка шкафа провалилась куда-то назад. Медведи с Настей вошли в шкаф.

Настя вдруг с ужасом поняла, что под ними темная пропасть и они все сейчас упадут. И они в самом деле стали падать прямо из шкафа прямо куда-то во тьму. Наверное, падали они секунд пять, а Насте показалось, что бесконечно. Но тут их тряхонуло и медведь с Настей как будто повисли в воздухе, замерли, и, казалось, совсем не снижались. Миш-

ка тронул Настю лапой и показал наверх. Вверху прямо над ними качался белый купол и плавно раскачивал их. Настя поняла, что это парашют.

И вот мишка коснулся двумя лапами земли, парашют тоже приземлился и спустя несколько секунд погас. Второй медведь приземлился следом за ними. Они собрали парашюты в рюкзаки и, с легкостью закинув рюкзаки за широкие спины, пошли вперед. Настя последовала за ними.

Находясь под сильным впечатлением от полета, Настя даже не сразу огляделась по сторонам. А под ногами между тем ощущалась мягкая трава, и редкие снежинки достигали этой травы. Высоко вверху виднелся месяц и перемигивались звезды. Снежинки падали вокруг и таяли налету. И Настя шла по тропинке за двумя белыми медведями.

Долго шли зимней ночью путники, как вдруг перед ними выросла высокая каменная башня. Возле ее единственной двери под тусклым светом одинокой фонарной лампочки на лавочке сидел горбун и в задумчивости курил. Горбун заметил столь поздних прохожих издалека и встретил их хитрым прищуром.

– Здесь телефонная станция. Это стратегически важный объект. И посторонних мы на чай не пускаем. Разве что вы знаете код.

Код медведи, конечно, не знали, а Настя и подавно. Она скромно пожала плечами. А Горбун докурил сигарету, поднялся со скамейки, кряхтя и ворча, подошел к входной две-

ри и, широко распахнув ее, вопреки всем ожиданиям пригласил Настю и медведей войти.

– Но так мне скучно на этой станции одному. Круглый год я дежурю на ней и слежу за работоспособностью оборудования, хотя давно уже ни у кого в целом свете не осталось ни одного телефона.

– Очень странно, – сказала Настя в ответ на его слова, пока компания поднималась по очень крутой винтовой лестнице. Наконец они поднялись на самый верхний этаж и вошли в длинный, казалось, бесконечный зал. Весь зал заполняли ряды оборудования с разнообразными кнопками и индикаторами, со сложными переплетениями тонких проводов. Судя по тому, как бодро эти "солдаты" перемигивались, горбун старался здесь на славу и следил за исправностью всерьез.

Горбун провел своих гостей в самый конец зала, предложил присесть отдохнуть с дороги на старый потертый диван и поставил чайник на электроплитку. Он достал конфеты, печенье и сахар. "Не на шутку подготовился", – подумала Настя. И один из медведей, словно прочитав ее мысли, подмигнул.

– Славное, славное было времечко, – говорил горбун, истосковавшийся по общению, пока закипал чайник, – кажется, еще вчера здесь сновали сотни рабочих. Но время шло, мир развивался и провода стали не нужны для связи людей во всем мире. И теперь я один. Может, хоть вы позвоните куда-нибудь? – с надеждой взглянул горбун на гостей. Но На-

стя не припомнила ни одного телефона, а медведи покачали головами. Они переглянулись, попив чаю, и засобирались в путь. Горбуну ничего не оставалось, как проводить своих гостей до двери. Он долго махал им вслед, и Насте даже показалось, что он смахнул со щеки слезу. Один из медведей подхватил Настю на загривок и они продолжали свой путь.

Не прошло и часа, как послышался страшный гром, на горизонте возникло облако и стремительно приближалось к путникам. И внезапно облако застыло прямо перед самым носом белых мишек, которые встали в недоумении как вкопанные.

Облако плавно улеглось на землю белым снегом и из него возникли сани. "Сани, которые едут сами", – подумала про себя Настя и с интересом разглядывала их. Но тут из саней поднялся человек в лохматой шубе, из которой только нос торчал и глаза кое-как поблескивали.

– Куда путь держите? Желаете – подвезу, – предложил добрый извозчик. Медведи не долго думая, забрались в расписные сани и уселись поудобнее, Настя пристроилась меж них – так было и теплее, и уютнее, да и безопаснее.

Извозчик засмеялся, занес руку над головой, шелкнул в воздухе кнутом и со свистом помчал вдаль. Словно в сани была запряжена по меньшей мере дюжина крепких лошадей. И позади них оставалось только облако поднявшегося снега.

Извозчик оказался веселый, хоть был отнюдь не многословен.

– А кот сказал, что сани Ваши сам черт не изловит! – прокричала ему Настя.

Извозчик оглянулся и вид его был чрезвычайно довольный, как будто ему сделали приятный комплимент. Это и был для него лучший комплимент, по всей видимости.

– Вы только скажите, когда остановить, – крикнул он в ответ, – а то может и сходить не пожелаете. А я вас прокачу!

И извозчик мчал так, что только ветер свистел в ушах. В мгновение ока перед санями словно из-под земли вырос стеной лес. Сани ворвались в лесную чащу и поехали, ничуть не сбавляя скорость, по извилистой дороге. У Насти дух захватывало, но она совсем не боялась.

Медведь, тот, что сидел справа от Насти, протянул массивную лапу и похлопал извозчика по плечу. Тот нехотя сбавил ход и остановил сани. Медведи выбрались из саней и помогли Насте. Все они распрощались с извозчиком, и он умчался в зимнюю ночь.

Неподалеку виднелась дорога, серпантинном убегавшая вверх, огибая отвесную скалу, вершина которой терялась где-то в облаках и звездах. У подножия скалы стоял аккуратный домик. Медведи направились напрямик к дороге, только Настя побежала к домику. Медведи замахали ей лапами, но девочка не послушалась и весело звала их с собой.

Стоило Насте приблизиться к домику, как дверь отворилась, пронзая ночную мглу снопом яркого света, на пороге стояла приветливая старушка и приглашала в дом.

– Ну здравствуй, Настенька, – улыбнулась она, – а я-то тебя заждалась.

Старушка впустила Настю внутрь и закрыла за ней дверь на засов.

– Там мои медведи, – сказала Настя, вопросительно глядя на добрую старушку.

– Ничего, подождут, – ласково произнесла бабушка и проводила Настю к столу. Там стояли чашки с горячим чаем, пироги и плюшки. Настя отвлеклась и забыла про медведей.

– А с чем пирожки? – спросила девочка.

– А с мясом, – отвечала бабушка, – ешь.

Вдруг где-то за цветными занавесками что-то закопошилось и раздался шумный вздох. Старушка же поправила крайне опрятный фартук и доброжелательно улыбнулась. Насте стало не по себе. Она отложила пирожок, который хотела было попробовать.

– Спасибо за угощения, – пролепетала Настя дрожащим голосом, вылезая из-за стола, – но мне пора. Меня ждут.

– Ну что ты деточка, – забеспокоилась бабулька, – оставайся у меня жить. Здесь тепло, уютно и сытно. От голода не умрем.

– Нет-нет, – отказалась Настя, направляясь к выходу, но старушка преградила ей путь.

Настя стала пятиться назад в страхе, что гостеприимная хозяйка вот-вот схватит ее. Девочка вскользь коснулась цветных занавесок и очутилась на кухне. Вдруг что-то мяг-

кое и пыхтящее уперлось в ее затылок. Настя оглянулась и с ужасом обнаружила, что перед нею стоит огромное чудовище, которое занимало добрых полухни. Существо сверкало грозными глазищами из-под косматой гривы и пускало обильные слюни до пола. А вокруг по стенкам кухни, на полочках среди кастрюль и чистых тарелок, на столе – всюду-всюду были разбросаны косточки. Косточки были, судя по всему, человечьи и обглоданы до чиста.

"Ах вот оно что", – подумала Настя и уж представила себя съеденной этим монстром. Только тут монстр молвил человеческим голосом:

– Спаси меня.

Настя не могла поверить своим ушам.

– Да ты же съешь меня! – возразила девочка.

– Это старуха тебя съест, если ты не поможешь мне. Видишь все эти кости – она заманивает непослушных детей, угощает их пирогами, а потом пускает их самих на пирожки. Ослабь ремень на моей шее, – поторапливало чудовище.

Медлить было нельзя и Насте не оставалось ничего, кроме как последовать его совету. Мигом она ослабила ремень, который стягивал горло монстра, тот встряхнул головой и высвободился из плена. Старуха вошла и увидела всю эту картину. Она закричала, заразмахивала руками, но было поздно.

– Прыгай ко мне на спину, только держись крепче! – прорычало чудовище.

И стоило Насте прыгнуть к нему на спину и ухватиться за косматую гриву, как монстр расправил массивные крылья и взмахнул ими. В тот же миг весь домик старухи разлетелся в стороны, словно был собран из невесомого картона, а старуха повалилась навзничь и только пронзительно визжала, глядя вслед улетающему чудовищу.

– Там мои медведи! – закричала Настя, увидев своих спутников далеко внизу. Монстр опустился до земли, подхватил на загривок мишек и они все полетели высоко вверх, минуя длинный серпантин дороги вокруг скалы.

Наконец они достигли вершины. Чудище приземлилось, путники сошли на твердую почву.

– Спасибо тебе, – сказала чудовище, – ты спасла меня от злой ведьмы.

– Мы спасли друг друга, – ответила Настя и обняла монстра.

– Теперь вы без труда доберетесь до цели, – произнесло чудище, взмахнуло крыльями и поднялось в усыпанное звездами небо.

"Откуда ему ведомо, куда мы идем", – подумала Настя. Но медведи принялись журить ее за непослушание, грозя лапищами, Настя взяла их за лапы, и они снова пустились в путь.

Медведи и Настя снова шли по заснеженной равнине. Дорога была долгая, горизонт стремительно светлел. Медведи заметно спешили.

И вот компания друзей очутилась на пороге незнакомо-

го дома. Один из мишек постучал в дверь и внутри послышался шум приближающихся шагов. Гостям открыл старик с длинной серебристой бородой и приветственно кивнул. Настя было вошла в дом, но медведи отчего-то остались невозмутимо стоять снаружи.

Старик шаркающей походкой, покашливая и кряхтя, направился по длинному полутемному коридору в сторону, где маячил свет. Настя пошла за ним следом. Старик привел ее в довольно большую комнату, которую освещал и обогревал огонь в камине. Вдоль стен стояли бесчисленные полки со старыми книгами, повсюду были пыль и запустение – Насте захотелось чихнуть. Старик же сел в кресло у камина и закурил трубку. Настя подошла к камину и протянула руки к огню, с любопытством изучая старика и не решаясь заговорить.

– Спрашивай, – сказал старик, – или расскажи историю.

– Я отправилась на поиски чуда, – ответила Настя бесстрашно, нисколько не боясь показаться глупой или смешной, – я искала чудеса.

Старик усмехнулся, но усмешка его была не глумливая, а скорее добродушная.

– И как? Отыскала? – спросил он.

– Нет. Не нашла, – вздохнула Настя.

Старик как будто был искренне удивлен таким ответом.

– Что же, случается и такое. Но каждый должен верить в чудеса. Как бы то ни было, всегда можно окунуться в ма-

ленькое приключение. Ведь кто знает, что там, за поворотом.

– А что за поворотом? – искренне поинтересовалась Настя.

Старик отложил дымящуюся трубку, поправил седую бороду, указал в темный угол комнаты. Настя увидела там дверь. А старик произнес:

– Дверь не заперта – посмотри.

Настя подошла, распахнула двери и выбежала на крыльцо. Дверь за ее спиной со скрипом и стуком захлопнулась. А Настя не могла поверить своим глазам: она стояла на крыльце своего дома, на дороге уже поджидали ее два больших белых медведя в шапках-ушанках из пойманных ими зайцев-беляков, в валенках и вязанных рукавицах. Медведи, словно озябшие уличные торговки, переминались с ноги на ногу, дышали на лапы. Они обернулись, увидели Настю и замахали ей лапами. Настя улыбнулась и поспешила к ним – навстречу приключениям.

Снежный трепет декабрьской ночи

Ночь так глубока и прекрасна в своем черном одеянии. Идет. Шаг за шагом. Пышный подол ее роскошного кружевного, расшитого звездами, платья бесшумно накрывает землю. Словно музыка, сменяя пьянящий, рубиново-алый закат.

Идет снег, бесконечный, густой, ночь сливается с падающим снегом, и уже не различить, где заканчивается снежная мгла и начинается ночь.

Тройка белых лошадей мчит среди пурги и метели, не видя дороги, а только чуя ее неведомо каким наитием. Звенят веселые бубенцы, разгоняя завывающую выюгу. Тройка несет деревянные сани, крытые белыми мехами, на облучке сидит и правит кучер в белом одеянии. И лошади мчат во весь опор.

Заяц-беляк пересек им дорогу. Тройка промчалась и потонула в снежной пыли. Заяц остановился, встал на задних лапах, поднял уши, как ни задувал в них ветер, и, проводив проезжих, ускакал дальше в степь.

Медведь, запоздало пробиравшийся в берлогу ко сну, замер на мгновение, когда мимо пронеслись сани, встряхнул мохнатой головой, оторвал левую лапу от топкого снега, протер ею глаза и продолжил свой путь. "Привидится же, – думает косолапый, – добрый хозяин собаку на двор в такую по-

году не выгонит". Но сани умчались в ночь, в бураны, метели. И мишка потопал вперед сквозь усиливающийся ветер, отворачивая лохматую морду, словно кланяясь седовласой зиме.

А перед санями тем временем стеною встал лес. Кони, ничуть не мешкая, ворвались прямо в лесную чащу, взрывая сугробы меж вековых деревьев.

Внезапно метель стихла, облака растворились в воздухе, и в небе возникла луна. Полная, гигантская, сияющая, она величественно плыла по темно-синему небу. И стало вдруг совершенно светло вокруг. И зловещий лес преобразился. Тройка остановилась как вкопанная, кучер привстал и огляделся. Они очутились на берегу лесного озера, замерзшего и уснувшего. Озеро было покрыто гладким льдом. В его безупречной зеркальной поверхности отражались и березки, одетые в сверкающие полушубки, и круглолицая госпожа луна: ее отражение то замирало, то плавно текло по озерной глади. Смотришь, и глаз не оторвать.

Кучер спрыгнул с саней, погрузившись по пояс в снежный плен. Он скинул с головы капюшон, обнажая густые волнистые волосы и девичьи черты вечно молодого лица. Снег расступился перед ней, образовав богато убранную, переливающуюся всеми цветами, дорогу.

Кони стояли, фыркали, выпускали пар через разгоряченные ноздри, били копытом, поднимая серебристую пыль. Воздух наполнился звездами утонувшего в ночи вихря.

Кучер подошел к кромке остекленелого озера, достал из-за пазухи расписанный морозными узорами посох, занес и ударил по гладкому льду.

– Проснись! – повелела девица. Но мир по-прежнему спал. И ни один уголок этого мира не дрогнул и не внял ее слову. Кем возомнила она себя? Лишь пара снежинок, хихикая, покатались кубарем с ветвей ближайшей сосенки. И только-то.

Да девица не угомонила, вновь занесла свой посох и с грохотом опустила его на лёд. Лёд затрещал. Идеальная гладь взорвалась, и из-под нее поднялось крылатое чудовище немыслимых размеров. Оно зарычало, шумно вздыхая, недовольное тем, что его покой потревожили.

Девица в белых мехах смотрела на чудовище снизу вверх и все равно повелела:

– Лети по всем временам года, по всем сторонам света, собирай всех голодных, хромых, косых и немощных. Собирай и неси сюда – будем хоровод водить.

И недовольное взъерошенное чудовище расправило массивные крылья чернее воронова пера, взмахнуло ими и легко оторвалось от земли. Оно полетело по всем временам года, по всем сторонам света собирать всех голодных, хромых, косых и немощных.

Там, где оно пролетало, замирало время, останавливались войны, раздоры и страдания. Где оно пролетало черной тучей по темному небу, закрывая своими крыльями луну и

звезды, дети спали сладко в своих кроватках, никто не умирал, а злые и жестокие люди пропадали без следа.

Чудовище летело, бесшумное, вселяющее ужас и трепет в сердце того, кто увидел бы его. Но никто, кроме голодных, хромых, косых и немощных, не видал этого чудовища. И оно собирало их на свою широкую спину и несло вокруг земного шара, догоняя ночь.

Наконец, чудовище взмахнуло последний раз крыльями и с грохотом опустилось наземь, где поджидала гостей девица. Огромная, наряженная снегом, ель красовалась в лунном свете.

– Что, добрались?! Да неужели, заждались уже! – негодовала девица, – И что вы только нашли в этом захудалом мире?!

– Зря ты так строга, королева, – подал голос нищий оборванец-старик с красными от ветра и холода руками и лицом. Руки вдруг оказываются в пурпурных рукавичках, а обветренное лицо зарделось румянцем и заискрилось белой бородой. Грязная шапка превратилась в червонный колпак с меховой оторочкой, а рубище стало шубой в тон колпаку и рукавичкам.

– Люди заслуживают шанс, их дети мудрее своих родителей. Да будет так, и мир изменится к лучшему.

– Хорошо, Николай, – сказала девица, – твоя просьба услышана. Будь моя воля, я бы все покрыла безупречным

снегом и совершенным льдом. И мир, измотанный бесконечными войнами, уставший от бреда и людской гнили и смрада, спал бы вечным спокойным сном. ...Но! Раз святой Николай заступается за людских детишек, пусть пока живут, авось возрадуются рано или поздно. А мы пока будем водить хоровод.

И все лешие, святые, эльфы, ведьмы, феи и волшебники, приняв свое истинное обличье, в шелковых и бархатных одеждах, расшитых золотыми нитями, взявшись за руки, стали водить хоровод вокруг наряженной ели.

Пролетела сначала одна, затем несколько и вот уже закружились веселой гурьбой снежинки. Снова пошел снег. Мир уснул. Чудовище широко зевнуло, потянулось, выгнув свою широкую, разлохматую спину, и улеглось на дно синего лесного озера, свернувшись калачиком, спать. Озерная студеная вода вмиг сомкнулась над ним, застыла и стала гладким льдом, в котором отражались звезды и снег, и луна. И стало так тихо-тихо. Ночь вздрогнула и проснулась.

Волшебная маска

Привет, Алиса! Как твои дела? Сегодня сочельник – наступает время подарков, тёплых слов и поздравлений. Что тебе положить под ёлку, душа моя? Только прежде, чем ты загадаешь желание, я хочу поделиться с тобой своей удивительной историей.

Однажды давным-давно, когда мне было столько же лет, сколько сейчас тебе, случилось приехать к нам в гости моей родной тётушке. Тётушка у меня будь здоров, до сих пор колесит по всему свету – дома не застать. Так вот в сочельник она явилась к нам поздно вечером. Её, должно быть, застала буря или метель или буран, не иначе. По-другому и не объяснить ее неожиданный визит. Мама моя всполошилась, забежала в ужасе по кухне, то и дело повторяя, что волосы у нее дыбом и шевелятся на голове точно змеи. Про змей я читала в книгах и даже однажды видела их на выставке экзотических животных, но что такое "дыбом" никак не могла понять. Лично я была рада любым гостям, ведь это сулило подарки. А повод для подарков был.

И в общем-то пока моя матушка суетилась на кухне, отец мой расцеловал свою дорогую сестрицу, провел в гостиную, усадил поближе к пылающему камину, дабы отогреть и налил бокал красного самого дорогого вина. Словом, по всему было видно, что он соскучился и очень дорожил своей сест-

рой.

В нашей гостиной было поистине уютно и тепло, стояла наряженная ель, уже лежали под нею подарки в красивых блестящих обертках с шикарными бантами и лентами. Тетушка моя лишь мимоходом окинула взглядом гостиную и все ее внимание вдруг остановилось на мне. Я, конечно, не стушевалась и протянула тетушке руку для приветствия. Она улыбнулась и ответила рукопожатием. Задала мне обычные вопросы о том, как я учусь, чем увлекаюсь. Я отвечала, что учусь более чем хорошо, а увлекаюсь рисованием и музыкой – обычное дело для тех лет. Тётя одобрительно кивнула и попросила принести в гостиную её большую дорожную сумку. Когда просьбу выполнили, тетушка жестом пригласила меня сесть рядом. Она недолго покопалась внутри этой самой сумки и извлекла оттуда обернутый коричневой бумагой и перевязанный бечевкой предмет. Совершенно непонятно было, что внутри – такой бесформенный он был. Протянув этот предмет мне, тетушка сказала:

– Вот. Это тебе, дорогая племянница. Ты уже взрослая девушка и, думаю, распорядишься моим заморским подарком с умом.

Я была удивлена и обрадована. Приняв сверток и поблагодарив дорогую тетушку, я хотела было открыть его, но тетя моя попросила подождать до полуночи и открыть с наступлением Рождества. При этом она мне как-то двусмысленно, лукаво подмигнула. Конечно, я не могла перечить ей

и, взяв себя в руки, стораю от любопытства, свойственного юным особам, но не выпуская подарок из рук, оставила бечевку в покое.

Ох, и долгим показался мне тот вечер. Мама, отец и тетушка просидели допоздна: ели, пили вино, разговаривали, смеялись и плакали, вспоминая былое, делясь новостями.

Едва часы в гостиной показали без пяти минут двенадцать, я пожелала всем спокойной ночи, поцеловала и помчалась к себе в комнату.

Я предусмотрительно закрыла за собой дверь, уселась на полу и стала открывать подарок. Внутри оказалась маска – позолоченная маска, богато украшенная пером неведомой мне птицы и алым камнем на лбу. Она была поразительно прекрасна. Я вынула ее из простой обертки, повертела в руках, чтобы рассмотреть со всех сторон как следует. У меня даже не возникло мысли, насколько это, в сущности, был бесполезный как будто подарок – такой красотой обладала эта вещь.

Часы в гостиной принялись бить двенадцать раз. Недолго думая, я подошла к зеркалу и примерила чудесную вещь. Едва приложив маску к глазам, я тут же обнаружила себя посреди великолепного зала, залитого светом от тысяч свечей, зал наполнился шумом и огромным количеством людей в роскошных одеждах. Пораженная, я сорвала маску с лица. Я снова в своей комнате, часы умолкли, в доме тишина. Руки

у меня дрожали, я не могла поверить в то, что увидела, ущипнула себя несколько раз, но это был не сон. Затаив дыхание, я вновь приложила маску к лицу. И вуаля! Я в огромном зале посреди толпы каких-то безумных людей совершенно иной эпохи. Я сделала шаг, второй. Будь я в своей комнате, снесла бы уже что-нибудь. Но нет, я в другом, незнакомом мне месте. Мало того, на мне самой невероятной красоты платье, алое, расшитое золотом. Чудеса!

Вдруг ко мне подошел некий господин в маске, отчего я не могла рассмотреть его внешность и определить его возраст. Он пригласил меня на танец. Я не умела танцевать и попыталась уклониться от приглашения. Господин же не только настоял, но и с легкостью подхватил меня и понес в танце. Как оказалось, умения у меня были, только отчего-то я о них не подозревала. Музыка не смолкала ни на секунду. Время словно остановилось.

Не понятно, сколько я танцевала со своим молчаливым кавалером – не то пару минут, не то целую ночь. Но музыка вмиг смолкла, свет погас, а я очнулась в своей кровати. Маски нигде не было видно. Солнце светило в окно моей комнаты, наступило утро. Я вскочила на ноги, побежала в гостиную. Там сидели завтракать и пить чай мои родные. Но тётушки с ними не оказалось.

– А где же тётушка?! – воскликнула я.

– Тётушка? – переспросила мама, – она уехала рано утром. Садись пить чай и будем разбирать подарки!

Я вздохнула и послушно села за стол. Мысли мои витали совсем далеко. Помню, я что-то отвечала на вопросы родителей, наверное, невпопад. Потом мы пошли к ёлке и приятно провели время в семейном кругу.

– Ах, да, тетя оставила тебе открытку, – протянул мне отец картонный прямоугольник.

Я схватила открытку так, словно надеялась, что она обернется волшебным свертком. Но открыв, обнаружила лишь рукописный текст.

Тетушка написала мне: "Дорогая моя племянница, поздравляю Тебя с Новым годом и Рождеством! Верь в чудеса! Каждый способен увидеть какое-то свое чудо. Любящая Тебя, твоя Тётушка".

С тех пор я не видела свою тетю ни разу. То от одних родственников, то от других я слышу, что она где-то странствует. Непредсказуемая, невероятная, вечно молодая в моих воспоминаниях, подарившая мне удивительное путешествие сквозь время и расстояние. Спустя несколько лет я встретила твоего отца. Я как будто встречала его уже где-то или, быть может, видела во сне. Вы стали моим чудом. Ведь для каждого оно свое.

Но вот сегодня утром почтальон принес посылку, перевязанную бечевкой и с невероятным количеством марок и штампов со всех краев света. И на ней твое имя, Алиса. Возьми.

Сказка про слоеный пирог

Люба слышала много сказок об оборотнях, много видела фильмов, но в глупости эти не верила. Не верила до той поры, пока не осознала, что, в сущности, живет среди них.

А дело было так. С детства Люба знала, что взрослые всегда правы. Так ее научили. Но Люба выпустила из головы один-единственный момент – что сама она тоже вырастет. И, соответственно, также может быть безупречно права в своих убеждениях, мыслях, словах. И выпустив из виду этот факт, она допустила роковую ошибку в своей судьбе.

Когда Люба была маленькой девочкой, у нее была большая семья и много родных. И на все праздники они собирались вместе.

Но крыша в их доме протекла. Последняя кошка ушла. Отец лишился работы и своего положения, запил, а мать нашла себе любовника. Люба сникла, стала апатичной, очень грустной девочкой. Ей было не до учебы, когда она возвращалась из школы домой. Да и за партой её мысли были там, где ютились осколки её семьи. Первый же мальчик, обративший на нее внимание, превратился в ее глазах в прекрасного принца. Но и он оказался оборотнем.

Однажды морозным декабрьским вечером Люба вернулась в нетопленный дом (дрова закончились, и всю деревян-

ную мебель тоже давно сожгли). И дом был пуст. Она огляделась по сторонам. Разруха. Где все? Есть было нечего. И нечего было пить. И денег никто ей не оставил. А двери всех родных и знакомых были для нее давно закрыты. Люба поняла, что сегодня ночью она замерзнет. Но девушка не заплакала от этой мысли. Она улыбнулась ей. Люба опустилась на ледяной голый пол, обняла свои девичьи коленки, положила на них подбородок и блаженно закрыла глаза.

И вдруг пошел снег. Да не то, что пошел, а повалил откуда-то с неба сплошной стеной.

И из этой снежной мглы возникла фигура, стремительно приближающаяся к порогу.

Фигура распахнула двери, впуская лютую стужу и снежную пургу. Она отдыхивалась, отряхивалась и говорила: «Чёрт»!

– Пара тройка Ваших мне фатальных ошибок: одно грубое слово, один дурной человек, одно мимолетное желание – и вот я здесь. И вынужден пахать, понимаете ли!

Люба открыла глаза. Существо в белоснежной шубе до пола, вероятно, злилось. На это указывали и тон, и резкие движения, и раздраженно подергивающееся лицо. Впрочем... Лицо? Скорее, морда. Ну, да, звериная (не то лисья, не то волчья) морда. Но что за фокус?! Морда на глазах превращается в лицо. И лицо обретает тонкие женские черты. И голос становится мелодичным.

– Простите, вынуждена, – поправляется женщина, огля-

дывая себя в недоумении, словно не ожидала такого результата.

– Для начала, – говорит она, – подадим в газету объявление. Текст, значит, такой: «Примут на работу сову и жаворонка». Всё.

– Дальше, – тянет она слова, оглядывая убранство комнаты. Щелкает пальцами правой руки своей и вмиг на голых окнах возникают тюль и ламбрекены, на полу появляется мягкий ковер, у одной стены – огромный диван, у другой – огромные часы с боем, стол, ваза с пионами и чашки с дымящимся содержимым.

– М-да, – выдыхает женщина облако теплого воздуха, цокает каблучком и в стене уже потрескивает, поблескивает камин, пыша жаром и мгновенно нагревая пространство.

Тут она усаживается на диван, распахивая шубу и снова оглядываясь.

– Я, видишь ли, привыкла к роскоши. Не обессудь, – и она подмигивает девушке, сидящей на полу.

Женщина скалится, посмотрев на часы. По-звериному обнажает зубы и рычит.

– Времени мало, – недовольно вздыхает она. И пьет кофе из чашки, которая как-то незаметно перекочевала со стола прямо в ее руку.

– Хочешь? – великодушно предлагает она, простосердечно глядя на девушку. Но та отрицательно качает головой.

– Вот! Вот то-то и оно, – раздраженно произносит женщина в белых мехах, – вот вечно с вами так. Вечно дело только в отсутствии желания. Прямо не...

Она осеклась. Сделала глоток и вдруг расслабленно улыбнулась. Или сначала расслабленно улыбнулась? Вроде бы, но это было так нелогично, и первая последовательность телодвижений женщины была более понятна для разума девушки, поэтому она приняла решение думать именно так.

И закрутилось. И понеслось. Чашка кофе, потом какие-то звонки по телефону (неведомо откуда взявшемуся). Мела непроглядная метель, но откуда-то понабежали какие-то люди, судя по форме, лакеи, стали прислуживать даме, подносить, относить, исполнять мелкие поручения. Девушка, сидящая на полу, ощущала тепло огня, который горел в камине, мягкость ковра под своими замерзшими ногами. Она искренне думает, что всё это сон, что она уже замерзла здесь до смерти. Но ощущения такие отчетливые, такие насыщенные, слишком реальные.

– Мы тебя перекинем, – подмигивает лукавая дама в белоснежных мехах, – вот тебе кусочек слоеного пирога, – протягивает она Любе блюдо с угощением, – видишь, как много тонких коржиков? И каждый промазан нежным кремом. Структура такая тонкая и хрупкая.

Дама любит на сладость, как будто это целая вселенная. Да не одна...

Сказки параллельной вселенной

Сказка про охотников

«Примут на работу сову и жаворонка. Рассмотрят как вариант голубя».

Это объявление попало на глаза мне случайно: утром за чашкой кофе в нашей местной газете. Вообще не читаю газет.

– Алло, я по объявлению.

– Здравствуйте, – пауза, – одну минуту... Эммм, здравствуйте, извините за ожидание. Так я Вас слушаю.

– Я по объявлению. Вам требуются совы?

– Да. А что, Вы сова?

– Да, я отъявленная сова.

– Что ж, Вы нам подходите. Когда сможете приступить?

– Хотелось бы узнать, в чем заключается работа. Для начала.

– Нууу, ээээ, работа как работа, – хихикнул голос в трубке.

– То есть?

– На месте разберетесь.

– А место-то это где?

– В парке.

– А график? График работы какой?

– Каждый вечер и до поздней ночи, разумеется. Вы же сова – должны понимать.

– А зарплата там какая? Гарантии?

– Зарплата как зарплата. Гарантии стандартные.

– Во сколько начинать?

– Так приходите после заката. Голубь как раз закончит.

Так когда сможете, говорите?

– Сегодня Вас устроит?

– О! Ещё как. Приходите. Мы Вас ждём.

И погладив свой лучший галстук и любимую рубашку, я отправился на закате в парк – искать свое новое место работы.

В парке было людно. Масса отдыхающих после трудового дня с детьми, парами и поодиночке бродила по аллеям. В центральной его части мне внезапно помахала какая-то женщина. Помахала она цветным платком и явно мне. Ничего не оставалось, как подойти. Знакомы мы не были.

– Добрый вечер. Вы по объявлению? – обратилась она ко мне.

– Да. А как Вы меня узнали?

– Рыбак рыбака, знаете ли, – подмигнула она лукаво. Я засомневался.

– Нет-нет, Вы не беспокойтесь, не о чем, совершенно не о чем. Работа пустяковая, а деньги неплохие. Вы справитесь, –

добродушно заверила она и вдруг добавила, – если сова, разумеется. Потому что жаворонок не подойдет.

– Сова-сова, – заверил её я и ещё больше засомневался.

Женщина подхватила меня под руку и повела сквозь толпу в сторону зала славы. Его так называли «Зал Славы». Это было небольшое здание современной архитектуры, казалось, все состоящее только из стекла. Оно предназначалось для небольших выставок, коктейлей, пресс-конференций и чего-нибудь в этом роде.

– Ваша работа – быть собой, – улыбнулась мне незнакомка.

– Совой?

– Совой-совой, – закивала она.

Мы вошли в здание.

– Вы слышали, должно быть, про кротовые норы?

– У меня очень общие представления об этом явлении, – поперхнулся я.

– В общем-то, не у Вас одного. У нас они тоже самые скромные, мы не знаем, как же они действуют: как множество вселенных или как перемычки между фатальными событиями, тем не менее ключи у нас есть.

– То есть как?! – не понял я.

– То есть Вам предстоит работать по ночам. Вы охотник, скажу Вам по секрету. И охотиться Вы будете на одну молодую особу. Ключи у нас есть, уверяю Вас. Но охотиться Вы будете сами. Вам надо ее найти. Только одно условие, – дама

сделала многозначительную паузу и потупила взор свой.

– Какое же? – полюбопытствовал я.

– Ровно в восемь часов утра Вы должны быть здесь. Здесь, а не где-нибудь в параллельной вселенной. Вы уяснили это? Это очень важно. Ведь смену нужно будет сдать жаворонку. Иначе процесс пойдет коту под хвост! Вы меня понимаете? – доверительным тоном спросила она меня.

– Я понимаю, – доверительным тоном ответил я ей. Ушам я своим не верил. Надеялся поверить глазам. Уж очень меня интриговали эти... ключи. Как они хоть выглядят-то?

Мы поднялись тем временем на верхний этаж и оказались в зале с множеством дверей, зеркал и стеклянных панелей. Одна из дверей внезапно распахнулась, и на пол прямо к нашим ногам упал мужчина. Он поднял на нас изможденный взгляд.

– Голубь, – улыбнулась дама смущенно. И отвела глаза.

– А из голубя-то какой охотник? – ухмыльнулся я.

– Да не то, чтобы... Но Вы знаете, эти голуби днем летают-летают. Вот и всё, – округлила дама на меня глаза, как будто и понимать тут особо нечего.

– А утром значит жаворонок? – уточнил я.

– Да. Жаворонок, – согласилась она.

Голубь тем временем встал, отдышался и смиренно ждал, когда ему позволят вставить слово.

– Как? – обратилась к голубю женщина с весьма серьезным видом.

– Пока разговаривают, ночью что-то произойдет, – ответил голубь, мужчина плотного телосложения, здоровячок, что называется.

– Пусть, – задумчиво произнесла дама, потом указала на меня, – вот нашли сову. Сова и понаблюдает.

– Ключи, – протянул голубь заветную связку, вручил их даме и удалился.

«Ключи как ключи, – подумал я, внимательно изучая связку старёхоньких ключей в руках моей эксцентричной спутницы, – допотопные только какие-то».

– Вот, – связка перекочевала ко мне, – ваша задача куда легче. Мы ее уже нашли. Осталось только не упустить. Следите в оба! Дверь эта, – дама кивнула на ту дверь, из которой минутой раньше вывалился голубь. С этими словами она развернулась на каблуках и направилась к лестнице.

Я застыл, слушая звук удаляющихся шагов её. Затем в нерешительности повернулся к дверям. С трепетом я приблизился к этому входу в... параллельную вселенную, по словам моей новой знакомой. Вставил ключ в замочную скважину, повернул и, приоткрыв, заглянул внутрь.

Прямо за дверью была оживленная улица. Там сновали обычные с виду люди. Я оглянулся назад и, наконец, вошел.

Вечереет. Всё как будто бы так же как у нас, только город, явно, другой. Но за кем же я должен следить? Ни дама, ни голубь мне ровно ничего не сказали.

Но мое внимание привлек автомобиль на противополож-

ной стороне дороги. Стекла его были полностью затонированы, но вдруг одно стекло медленно опустилось, наружу высунулась рука с горящим листком бумаги, на несколько секунд задержалась так, затем бросила горящий клочок и скрылась за поднимающимся стеклом. Клочок упал на землю рядом с автомобилем, ярко вспыхнул в последний раз и погас...

– Я проследил за ними до какой-то лачуги в лесу.

– Хорошо, – задумчиво произнесла дама, – пусть пока там перезимуют. А мы всё подготовим.

– Но что вы хотите с ними сделать? – задал я давно мучивший меня вопрос.

– Мы просто хотим их спасти, – искренне, как мне показалось, удивленная, ответила дама.

– Но от чего? – не понял я.

– Видите ли, если мы ничего не предпримем, то одна замерзнет насмерть в нетопленном доме, а другая заживо сгниет в какой-нибудь российской колонии. Мы просто нашли два худших развития сценария для жизни этой талантливой девочки и решили ее спасти.

– Но почему? Я не понимаю, почему? Зачем вмешиваться в дела...

– Это она открыла вход в параллельные вселенные, научилась путешествовать по ним, – перебила меня дама, – даже если в тех двух вселенных она не станет выдающимся ученым, в любом случае она может принести пользу челове-

ству. И глупо, знаете ли, губить чистую человеческую душу руками неподходящих людей, случайно оказавшихся рядом.

– Ладно, – согласился я, так как деваться мне было уже особо некуда, ведь я принял участие в этой игре, – и что же Вы хотите предпринять?

– Мы сначала долго думали, куда же их перекинуть. Даже предприняли попытку перекинуть одну во вселенную другой. Но, как и предполагалось, ничего хорошего из этого не получилось. Они просто конфликтовали между собой, и всё оставалось по-прежнему.

– И что Вы придумали? – в нетерпении полюбопытствовал я.

– Мы создали параллельную вселенную.

– Как?!

– Мы создали искусственную, если можно так выразиться, параллельную вселенную и научились соединять две сущности в одну.

– Простите, – сказал я, – вспомнил вдруг, что не спросил Вашего имени. Как Вас зовут?

Моя собеседница улыбнулась и ответила:

– Анна

Сторожевая башня

Сторожевая башня стоит на вершине отвесной скалы. Округа ее полна бродячих собак. Собаки свирепы и подозрительны: ни одна живая душа не ступит без их ведома на здешнюю почву. А если и ступит, будет разорвана в клочья. Случайные прохожие боятся собак.

Над сторожевой башней сгущается ночь, стягиваются тучи, и идет дождь. Собаки вбегают в распахнутые двери, благодарно лижут мне руки, припадают к чашкам с едой и ложатся спать у растопленного камина. Непогода.

Мы никого не ждали. Как вдруг раздался подозрительный шорох за дверью. Никто не стучал, но возился и возился у порога. Я пошла отворить. Сноп света выхватил из темноты фигуру мужчины, который растерянно уставился на меня. Он словно и не ожидал меня здесь увидеть.

– Ах ты паскуда, – сказала я и, схватив бедолагу за шиворот, втащила его внутрь сторожевой башни, – ты незваный гость, – объявила я ему.

– Моя совесть чиста как белые простыни, – залепетал было он, – а от ваших собак житья людям нет.

– Ах, так?! – мои брови взметнулись вверх. – Каким людям? Я никого не звала.

– Несчастные путники гибнут в здешних местах.

– А кто, по-вашему, построил сторожевую башню? Уж не

эти ли самые люди? А?! – возмутилась я и отрубил указательный палец на его правой руке. Гость мой заорал. Я бросила палец собакам. – Как проучить тебя, друг мой? – с искренним интересом заглянула я мужчине в заплаканное лицо.

Но лицо его было искажено страданием, он не смог мне ничего ответить.

– Что ты делал там, я утром гляну. Ты до утра не доживешь, – пригрозила я.

– Придут еще люди. И убьют вас с собаками, – сквозь рыдания промямлил мужчина.

– Зачем? – полюбопытствовала я, искоса глядя на гостя.

– Да от ваших собак...

– Послушай, ты повторяешься, – вздохнула я, – Сторожевая башня стояла тут до них, будет стоять и далее. И собаки будут здесь жить, и ничья нога не ступит на здешнюю почву. Так заведено. Не вам это менять.

– Отпусти меня. У меня жена и дети, – попросил неожиданно мой гость.

– Что ж ты не подумал о них, когда шел сюда? – посмотрела я на него.

– О них я и думал. Как мои дети будут ходить по здешним местам, – с достоинством произнес мужчина и утер слезу.

– Как объяснишь, так и будут ходить. А точнее, обходить сторожевую башню стороной. Не в их это компетенции. Как не в твоей. И не в моей, в частности. ...С некоторыми веща-

ми просто нужно смириться. И всё, – добавила я после секундной паузы.

– Ты отпустишь меня? – снова подал голос мужчина.

– Нет, – покачала я головой, – не я эти правила придумала.

Он pokrылся гусиной кожей и мелко-мелко затрясся. Он вспотел, и его знобило. Ему конец.

– Фундамент этой башни заложил отец, – решила рассказать своему гостю маленькую байку я, – А далее по кирпичику стены строили многие и многие люди. Они не щадили себя на стройке – дневали и ночевали там. Ты разве не знаешь?

– Не помню, – промямлил он.

– Что ж теперь пенять на собак, когда первоначальна башня, – пожалала я плечами и подбросила поленьев в топку, – они, эти люди, очень старались – хотели создать что-то внушительное, что-то крепкое и долговечное. Им удалось. Ты как считаешь?

Гость кивнул.

– Я выпущу тебя поутру. И что? Тебя разорвут эти дремлющие животные. Зачем ты пришел сюда? И что ты там делал? Там, в темноте, под дождем?

– Мои дети отомстят за меня, – решил вдруг проявить отвагу этот мужчина.

– Какой глупый народ, – покачала я головой и больше не проронила ни слова.

Скоро рассвело. Я не шевелилась. И мужчина встал. Он сделал шаг, потом второй. Потом он почувствовал свобо-

ду и покинул сторожевую башню. Через мгновение раздался взрыв. Собаки повскакивали с мест и кинулись врассыпную. Я вышла следом за ними.

Бедолага подорвался на собственной взрывчатке. Наверное, забыл... Со всеми своими «белыми простынями» и прочее...

Карл и запертая в яму девушка

Карлик по имени Карл сидит на троне, при своих пажах, в короне. Корона ему велика. Велика настолько, что его узкие, хрупкие плечи не могут ее удержать – и корона висит на Карле, как какая-то наградная ленточка – наискосок.

Карл возмущенно разглагольствует, громко попирая честь и достоинство своих пажей, часто повторяется и ходит по кругу. Но пажи сладко спят. На мягких пуховых подушечках, в кружевных велюровых чепчиках, на своих позолоченных стульчиках.

Карл закончит свои упоительно длинные речи, наконец, устанет слушать себя (хотя это бывает крайне редко), занесет свою золотую ложечку и позвонит ею о свой богатый кубок. Тогда пажи раскроют глазки, поднимут головки, сладко потянутся и побредут выполнять свою работу. Обычную работу – ту, что изо дня в день.

Карлика Карла полностью устраивало то обстоятельство, что пажи спят на его собраниях. Ведь меньше всего Карл любил, когда кто-то из пажей высказывал собственную точку зрения. А пока пажи спят, думал Карл, и мнений они не имеют. Они вообще не должны их иметь, потому что я так решил, думал Карл.

Карлику было до изнеможения скучно, он побалтывал

своими короткими ножками, сидя на троне, который, к слову, тоже был ему не впору, и суетливо придумывал день напролет новые порядки. Он каждый день вносил новый закон, и пажи должны были его исполнять. А на утро Карл снова вопил иступленно, закатывал глазки в изнеможении и жаловался на судьбу, что его окружают одни только глупцы и воры.

Карл кричал на пажей за неисполнение законов прошлых, нынешних и даже тех, что он не успел еще придумать, а они, неразумные, не смогли в его коронованной головке прочесть. И снова все повторялось по кругу: Карл говорил-говорил, одно и то же по много раз, он с упоением слушал звук своего голоса. Карл в душе был очень счастлив, был очень удовлетворен. А пажи спали, так как менять что-то было не в их компетенции.

Рядом с тронем Карла день и ночь сидела древняя старуха. На носу ее ютились очки. Дужка этих очков была сломана, и старуха неустанно жаловалась Карлу на это досадное обстоятельство, и даже говорила: "Хорошо бы, кто-нибудь починил мне очки". На что Карл фыркал, что-то невнятно бубнил и замолкал. И никто не чинил очки старухи, матери карлика Карла.

Карлик Карл был нелюбимым ребенком в семье. Оттого, может быть, он так отчаянно стремился забраться на огромный трон, собрать вокруг себя верных пажей, и, изошренно издеваясь над ними, за их счет казаться себе значительным

(значительнее, чем он есть).

Карлик Карл вскарабкался на трон, напялил корону, как ни велика она была, и собрал верных пажей. Он делал, что хотел, ходил на голове, стоял на ушах (на чужих, разумеется), казнил и миловал. И старуха-мать пребывала с ним рядом. Он ненавидел и обожал ее. Хоть она по-прежнему не умела дать ему подлинной материнской любви. Старуха просто не могла и не знала.

Карлик Карл сидит на своем троне, болтает ножками, в своей короне, которая ему велика.

Девушка живет на оборотной стороне мира карлика Карла. В ее мире падает хлопьями снег, настает солнечно-яркое утро, и цветы распускаются на окнах. Вот такой у нее мир. По зеленому, бескрайнему полю девушка идет, собирая в большую корзину раковины, цветы и ягоды. Снег падает на ее белокурые волосы, и волосы сверкают на солнце, словно усыпанные бесчисленными бриллиантами. Касаясь земли, снег тает, и растения вмиг впивают восхитительно прохладную, чистую влагу неба. К вечеру поле обращается в морскую гладь. И волны, одна за другою, вздымают его гигантское тело, и рыбы, высоко выпрыгивая из воды, резвятся в закатных лучах. Выходит луна. Она полна и прекрасна. И море инстинктивно тянет к ней свои белоснежные курчавые гребни. В полночь все замирает, и снова с неба падает хлопьями снег. К рассвету он запорошит округу до самого

горизонта. Но на рассвете вновь зацветут цветы. И девушка выйдет из своего чудесного дома, возьмет в руки корзину и пойдет собирать плоды.

Но однажды, прогуливаясь, как всегда, с корзиной по полю, девушка оступилась и упала. Падать ей пришлось довольно долго. Бесконечно долго, казалось ей. Она вдруг провалилась в непроглядную мглу и летела, летела куда-то вниз. Так она и прилетела на обратную сторону мира – туда, где обитал карлик Карл.

Девушка очнулась на поле, но поле было не ее – оно было покрыто пожухлой травой, и солнечные лучи едва-едва пробивались сквозь висящий в воздухе смог. Из смога выскочили какие-то фигуры, окружили девушку и, схватив ее под руки, препроводили напрямиком к карлику Карлу.

Карлик Карл увидел девушку и подумал, вот новый паж в его свите. Но тут девушка раскрыла рот, чтобы что-то сказать. Все пажи в ужасе ахнули и отпрянули в стороны, боясь, очевидно, попасть под звуковую волну, что испустит сейчас в негодовании карлик Карл.

– Я... – молвила было девушка.

Но старуха вдруг яростно запрыгала вокруг трона карлика Карла и в негодовании зафыркала, брызгая во все стороны слюнями. А карлик и сам вскочил на свои короткие ножки и задрыгал ими как мог усиленно, истерично визжа при этом.

Девушка замолчала, в изумлении глядя на карлика Карла. А Карл тем временем уже отдавал распоряжения, чтобы де-

вушку переодели в подобающий наряд и заставили работать на него покорно. И девушку переодели в подобающий наряд. И стала она прислуживать карлику.

Но по утрам на собраниях карлика Карла вместо того, чтобы спать, как подобало пажам, на каждое слово карлика Карла девушка что-нибудь отвечала. Будь то согласие или несогласие, Карла начинало бить мелкой дрожью, он краснел, как вареный рак, и сжимал свои жалкие кулачки. А девушка с искренним интересом смотрела на карлика Карла и замолкала.

Карлик же молчал и вынашивал план изощренной мести. Никто не смеет попирать его, карлика Карла, достоинство.

Девушка же, втайне мечтавшая вернуться в свой удивительный мир, в свой уютный дом, на свое безбрежное поле, ни разу не высказала это пожелание вслух, боясь, что карлик последует за ней и разрушит всё, что дорого её сердцу.

Но вот как-то под вечер, когда на горизонте назревала буря и начинался дождь, девушку схватили под локотки, потащили в чистое поле и бросили в глубокую темную яму, заблаговременно вырытую для нее.

Девушка надеялась, что и в этот раз она провалится и будет долго лететь-лететь, а потом очутится в родных краях. Но почувствовала лишь мокрую землю под собой да глину. Так она дневала и ночевала там под натиском дождей и холода. И никто не принес ей даже корочки хлеба. Девушка была изумлена причудливым миром, в который попала. Она

должна совсем отчаяться – она должна быть на волосок от гибели.

Карлик Карл тем временем устроил празднество по случаю исчезновения с его глаз девушки. Все пажи гуляли подле него, и он был чрезвычайно доволен собой. Все теперь встало на свои места: Карл придумывал законы, заходил в приступах самолюбования и обожал своих пажей за то, что те безропотно позволяли плясать на их костях. Пажи всё спали. Карл всё говорил.

Но мы-то с вами помним: карлику Карлу до изнеможения скучно. Ему вдруг стало любопытно, что случилось с девушкой, брошенной по его распоряжению в темную яму. И вот карлик под невинным предлогом пошел прогуляться по полю, где была вырыта та самая яма. Он шел, важно задирая нос, потом вдруг словно нечаянно свернул с тропинки и как будто неожиданно наткнулся на темную яму.

– О! – сказал карлик Карл, – Яма!

Девушка услышала голос карлика и из последних сил вымолвила:

– Спаси меня. Вытащи меня отсюда.

– Ой, – сказал карлик, – там, кажется, кто-то есть.

И карлик наклонился вперед, чтобы посмотреть, во что же превратилась строптивая девушка. Но девушка сидела на дне все такая же свежая и румяная, и ее длинные белокурые волосы, казалось, не тронули ни буря, ни дожди, ни грязь и глина. Карл в недоумении уставился на девушку. Потом

нервно подпрыгнул, развернулся и умчался прочь.

С тех пор карлика Карла стали мучить кошмары, и он ворочался в своей мягкой постельке до самого утра. Он, бедняга, исхудал и осунулся.

Тогда Карлу в голову пришла новая идея – не иначе, все-му виной злополучная девушка. Надо ее достать из ямы, думает Карл, а отомстить потом, попозже. И карлик приказал своим пажам вынуть девушку из ямы и привести обратно. Пажи покорно отправились выполнять распоряжение, однако вернулись ни с чем. Объяснений Карл ждать не стал, он выпорол непослушных пажей и побежал на поле сам. Карлик увидел, что яма стала невероятно глубока – так, что ни одна лестница не доставала до дна, и ни одна веревка не была достаточно длинной. Карлик затопал ножками и закричал от растерянности и наваливающегося отчаяния. Он принялся связывать все имеющиеся веревки в одну, но яма, казалось, на глазах становилась бесконечной. И Карл отчаялся.

Карлик Карл упал на коленки и разрыдался.

– Вылезай! – канючит он.

– Вытащи меня отсюда! – доносится издалека знакомый голос.

– Ты сама себя туда посадила.

– Здесь темно и страшно. В этой яме посреди вольного поля.

– Вылезай.

– Помоги мне.

– Ты сама вольна сидеть в глубокой темной яме или бегать по вольному полю. Ты сама заперла себя здесь.

– Карл!

Карл сидит на краю глубокой темной ямы и плачет. Ему кажется, он и сам сидит в ней, как ни высоко стоит его трон.

– Карл!

– Что тебе еще?!

– Прыгай сюда, быть может, тогда земля провалится, и мы полетим на обратную сторону мира.

– Мой дом здесь, – заявляет в негодовании Карл и важно стучит кулачком по краю ямы.

– Ты же несчастен, – произносит девушка, и земля задрожала под карликом. Карлик в ужасе устался в темноту.

– Вылезай!!! – завизжал он. – Ты! Несносная девчонка! Хватит терзать меня! Вылезай или исчезни навек!

И Карл убежал и спрятался под трон. Мало того, еще и под корону. Но жить и спать, как раньше, сладко он уже не мог. Дни и ночи превратились в кромешный ад для Карла – его преследовала девушка, сидящая в яме. Он хотел помучить девушку, а в итоге девушка мучила его.

А девушка сидела в яме, и яма была уже так глубока, что девушка слышала море на той стороне земли, а ночами ей пела вьюга, и девушка представляла себе, как хлопья снега мягким полушубком укрывают ее мир. Только Карл пропал, а яма больше не разрасталась.

Карл долго терзался. Наконец, он так измучился, что ре-

шился последовать совету девушки. В крайнем случае, если не случится, как говорит она, я придушу ее собственными руками и умру счастливым. Умирать Карл, конечно, не собирался – он планировал бесконечное существование, а думал он так – так, для красного словца, как говорится.

Тайком темной ночью Карл выскользнул из своей опочивальни и отправился в чистое поле. Он подкрался в яме и окликнул девушку. Девушка ответила ему, и карлик приготовился прыгать.

Тем временем старуха тоже не смыкала глаз. Ей отчего-то не спалось в эту темную ночь: возможно, от переживаний за состояние здоровья ее сына, а может, по каким иным причинам. Старуха внезапно услышала скрип двери и поднялась из постели. Увидев фигуру карлика, стремительно удаляющуюся, старуха всполошилась. Если Карл покинет ее, где же ей, старухе, сидеть и в какую сторону фыркать и брызгать слюной, ведь никто без него слушать-то ее не станет. Кому она нужна? Может, Вам? Сомневаюсь.

И старуха зажгла всюду свет и принялась, причитая, бегать туда-сюда. Но, как и предполагалось, никто не откликнулся на ее воинственные призывы. И старуха, схватив факел, одна помчалась за убегающим Карлом.

Когда старуха прибыла на место, Карл уже прыгал, и старуха с воплями бросилась за ним. Карлик полетел вниз, старуха летела следом. Едва Карл коснулся дна глубокой темной ямы, земля разверзлась под ним и девушкой, и девуш-

ка провалилась в свой удивительный мир. Карл упал было следом, но тут чья-то цепкая крючковатая ручонка схватила его за штанину и потащила наверх. Как вы догадались, это была старуха. Она из последних сил одной рукой ухватилась за торчавший из земли корень какого-то растения, а другой не отпускала карлика Карла. Карлик отчаянно барахтался, силась высвободиться из крепких рук своей матери, только так и не смог и безвольно повис вниз головой, как какая-то тряпка – бесформенная, безжизненная, пустая.

Земля же затянулась, как привыкла всегда затягивать свои раны, карлик с матерью очутился на поверхности своего мира, а девушка уже пила горячий чай у себя дома. Наверное, если бы Карл попал в ее мир, он бы изменился, превратился бы в прекрасного принца или просто в открытого и доброго человека, что не мало. Или девушка могла бы изменить его мир к лучшему, если бы карлик позволил ей.

Сказка на ночь

Белая пушистая кошка спала, свернувшись калачиком, на кресле у окна. Так, словно очень ждала кого-то и, пока ждала, уснула.

Была осень, и за окном дул сильный холодный ветер. И в уютном кресле было так сладко спать.

Внезапно скрипнула стальная калитка, от резкого звука белая пушистая кошка проснулась и тут же обратилась в молодую женщину. Она поправила свои мягкие каштановые волосы и белую ангоровую кофточку. Быть может, она слегка разволновалась, тем не менее, поспешила скрыть своё волнение, так как на крыльце уже послышались шаги.

Вошел молодой мужчина, он поставил сумку и, не снимая ботинок, прошел к своей жене. Он обнял её, заглянул в лицо, как будто не уставал любоваться ею. Он провел ладонью по её волосам и вновь обнял.

– Я так люблю эту твою ангоровую кофточку! – произнес он, взволнованный встречей после долгой разлуки. Он обо-жал в своей жене всё. А она подняла на него свой спокойный взгляд, улыбнулась, коснувшись рукою щеки мужа, и поцеловала его.

– Ты ведь с дороги проголодался, – произнесла молодая женщина и направилась на кухню приготовить ужин. А муж-чина взял свою сумку и прошел в комнату. Он принял душ,

переоделся в легкие брюки и рубашку. Мужчина с наслаждением вдохнул запах дома.

Тем временем за окнами стремительно сгущались сумерки. Супруги сели ужинать, и разговор закипел сам собой. Разговор плавно перетек в гостиную к затопленному камину, к чаю и сладостям. Он мог бы продлиться всю ночь...

Только вдруг... супруги враз замолчали – за домом заржал конь, забил копытом, зафыркал. Глаза мужа и жены встретились, потом оба посмотрели на большие часы с боем в углу комнаты: секундная стрелка замерла, потом сделала ещё один скрупулезный шаг, и часы забили, вторя стуку копыт. Ровно двенадцать раз.

Не сговариваясь, не сказав ни слова, молодой мужчина и молодая женщина поднялись. А спустя несколько минут они уже стояли на улице под ударами холодного ветра. И мужчина, поцеловав жену, вскочил на вороного пегаса. Тот в нетерпении всё бил и бил копытом, а почувствовав всадника, расправил крылья и громко хлопнул ими. Мужчина с тоской посмотрел на жену, натянул поводья.

– Можешь отпустить поводья, – спокойно произнесла молодая женщина, – Когда решение принято, от нас уже ничего не зависит.

И пегас взмахнул крыльями, и они, невольный хозяин и строгий слуга, взмыли в ночное осеннее небо.

Молодая женщина проводила их грустным взглядом, поёжившись, закуталась в свою ангорку, обратилась в белую

пушистую кошку и с гордым, самодовольным безразличием ко всему и вся направилась в дом на своё любимое кресло. Спать...

Белая пушистая кошка спала. Крепко-крепко спала. Ей снилась шахматная доска.

На шахматной доске стояли фигуры. Много-много фигур. Так глянешь и сразу не разберешь, что это за фигуры и как они стоят. И лишь приглядевшись внимательней, замечаешь, что что-то не так. Не так – и всё!

И не то, чтобы белая кошка разбиралась в шахматных партиях и мудреных комбинациях. Однако не надо быть великим гроссмейстером: фигуры-то делятся на черные и белые. Здесь же...

Черного коня на этой причудливой шахматной доске оседлал белый король. И для этой реальности, не оставалось сомнений, всё было в порядке вещей. Мало того, что король и конь, вообще, самостоятельные фигуры.

Фигуры двигались сами. Вот черный ферзь атаковал черную же ладью. А белый ферзь (белый, белый ферзь!) по указанию черной пешки (!) занял позицию где-то за белой туррой.

И вдруг прямо на шахматной доске возникла чашка с кофе – все пространство наполнилось чудесным ароматом. Партия прервалась. Мгно-вен-но. И сон вместе с ней.

Белая пушистая кошка встрепенулась, огляделась по сторонам. Вокруг царили сумерки, в камине дотлевали дрова. Две мыши сидели едва ли не у самых головешек, закинув нога на ногу, пили чай из фарфоровых чашек и нескромно громко хохотали. Однако ж, не их живая беседа разбудила кошку. Она прищурила зеленые глаза на красные головешки, потянулась, поменяла положение своего грациозного тела и крепко уснула вновь.

Кошке снился удивительный сон. Всё в новом сне было знакомо.

Новый год. За окнами знакомой квартиры взрываются фейерверки. Она – девушка. Некто берет её за руку и уводит на кухню. Этот некто рассказывает историю, а кошка наблюдает её содержание, словно смотрит фильм, словно его, рассказчика, глазами.

Вот герой едет на авто, видит толпы веселых людей, которые торопятся к новогоднему столу. И вдруг всё исчезает. Вспышка и... мрак.

Герой приходит в себя, оглядывается. Он выходит из машины и тут же проваливается в снег. Приглядевшись, герой обнаруживает себя в лесу. Только что ехал по шумному городу и оказался вдруг черт знает где!

Внимание его приковывает странное явление: полоса серебристого света тянется прямо в лесную чащу. И герой по-

шел по этой своеобразной дороге.

Долго брел он меж заснеженных деревьев и, наконец, оказался на поляне. В центре горел костер, над костром висел котел, а над котлом склонился некто и что-то мешал.

Внезапно этот некто обернулся и оказался стариком. Он жестом пригласил героя к огню, и тот не без радости принял приглашение погреться. Тут же лежал обломанный, видимо, грозой, ствол дерева – на него-то и уселся герой.

Старик тем временем снова склонился над котлом, взял в руки палку и принялся мешать своё варево. В воздух тут же поднялась какая-то пыль. Пыль вспыхивала, кружилась, поднималась выше, меняя свои цвета, и, застывая причудливыми узорами, уносилась в зимнюю ночь.

Старик кашлянул, поставил палку рядом с собой и обратился к герою:

– Спешешь?

Герой, очарованный небывалым зрелищем, кивнул.

– А с подарком-то...

Герой снова кивнул, он смутился.

– Что ж, держи! – и старик бросил в руки герою какой-то предмет. – Не открывай. Подари той, к кому спешил.

Предмет, возникший, казалось, из воздуха, представлял собою маленький мешочек, перевязанный золотой тесьмой.

– В этом мешочке звездное небо, всё остальное у вас двоих итак есть.

И снова тьма.

Вот кошка на кухне, она – девушка, и ей протягивает герой маленький предмет, который оказывается мешочком, перевязанным золотой тесьмой. Он говорит, что это подарок совершенно сказочный, что открывать его нельзя, но кошка, будучи девушкой, не дает герою договорить – обвивает его шею руками и целует. А пальчики её невольно потянули тесьму.

Молодая женщина с мягкими каштановыми волосами стремительно носилась по дому, молниеносно собирала вещи: хлопали дверцы шкафчиков, тумбочек, шифоньера, вздымались шторы от движения воздуха. Наполнялся старый чемодан.

«Только самое необходимое», – пульсирует мысль в голове женщины.

В утренней темноте за окнами стучит дождь. Даже не стучит – шелестит – ведь это осенний дождь. И он подгоняет сборы в дорогу. «Бежать, бежать хоть до края Земли».

После странного сна, что привиделся ей минувшей ночью, молодая женщина приняла твердое решение найти, догнать своего мужа. Во что бы то ни стало. «Хватит мириться с судьбой. Надо бороться за своё счастье, за свою любовь».

– Да где же она? – вдруг вслух произнесла женщина, пронзив звенящую тишину.

Она пересмотрела все ящики, благополучно потеряла тер-

пение, повыкидывала все из них, переворошила до дна до задней стенки. «Неужто я её так глубоко запрятала»? – размышляла она, сдвинув брови и на миг остановившись.

– Да вот же ты, – с улыбкой вздохнула женщина, протягивая руки к искомому предмету. Предмету своих желаний, предмету своих надежд. Пришло время достать его из закрытых шкафов дома.

«Запылилась». Молодая женщина вращала в руках шар. Он был, сразу видно, в твердом, жестком панцире. И не то, что запылился – покрылся тенетами – не разглядишь.

Но пришло время совершить этот отчаянный побег. Пора. Молодая женщина с мягкими каштановыми волосами взяла молоток и ударила по крепкому панцирю.

– А ты не боишься? – подала голос белая мышь – одна из тех, что пили поздний чай из фарфоровых чашек.

– Боюсь, – призналась женщина, глубоко вздохнув, – Мне очень страшно, но...

Они обменялись взглядом – и без слов было все понятно. Женщина размахнулась и ударила вновь. Панцирь пронзительно зазвенел, но не поддавался. После нескольких ударов слышалось что-то, напоминающее треск скорлупы. Однако, видимых повреждений не наблюдалось.

«Возьму, пожалуй, с собой. По дороге разобью». И крепкий серый шар перекочевал в чемодан.

Женщина с мягкими каштановыми волосами надела

плащ, взяла свою поклажу и, погасив в доме свет, вышла в осеннюю сырь. Начинало светать.

Она вывела из загона сонного пегаса. И, оседлав белого крылатого коня, плавно оторвалась от земли.

И они понеслись, помчались навстречу восходящему солнцу. Женщина не боялась выбрать не то направление (ведь вполне возможно, что муж её полетел на запад, а то и вовсе – на юг), просто потому, что Земля круглая и, улетев на восток, очень легко прилететь на запад.

Стремительно светлело прояснившееся небо. Это осеннее очаровательное небо. Женщина одной рукой прижимала к себе чемодан, а другой держала удила. И прошла уже, кажется, целая вечность. Вот уж первые лучи пронзили небесный свод. Как вдруг в чемодане словно бы что-то хрустнуло.

Сперва женщина с мягкими каштановыми волосами подумала, что ей показалось. Но звук повторился. Да так, что даже белый пегас повел ушами и фыркнул. Значит пришло время остановиться.

Пегас стал снижаться, как только увидел среди лесной чащи водоем. Можно утолить жажду и перевести дух. Молодая женщина крепче сжала чемодан и нагнулась к разгоряченной шее крылатого коня.

Водоем казался черным: его тесной гурьбой окружали деревья, и солнечный свет ещё не заглядывал сюда. Опавшая листва шуршала под ногами.

Пегас сразу припал к воде и долго пил, утоляя жажду. Мо-

лодая женщина с мягкими каштановыми волосами тем временем озиралась по сторонам. Приглядевшись, она вдруг заметила на противоположном берегу озера маячивший костерок.

«Почудилось», – подумала молодая женщина, зажмурившись и снова открывая глаза. Нет. Не почудилось. Она оглянулась на пегаса – тот все еще жадно пил, и решительным шагом направилась вдоль берега «на огонек».

Наконец, приблизившись к цели, женщина разглядела котел, что висел над догорающими поленьями. А возле, на какой-то коряге, сидел некто. Этот самый некто поднял голову и оказался древним стариком. Старик неожиданно улыбнулся беззубой, старчески-доброй улыбкой и довольно крикнул, жестом приглашая погреться у огня. Молодая женщина покорно села на обломанный, видимо, грозой, ствол дерева.

– Голодна? – любопытствовал старичок и кивнул в сторону котелка. Женщина отрицательно покачала головой и заглянула в котел. В нем было варево, по всей видимости, давно готовое к употреблению и висевшее над костром лишь ради поддержания нужной температуры. Вид его, к слову, не внушал доверия.

Старик снова довольно крикнул, словно бы прочел мысли своей гостьи, и, взяв стоявшую подле него палочку, коснулся варева в котелке. Тут же над котлом поднялась своеобразная пыль. Она сверкала невообразимыми цветами, кружилась, вспыхивала, замирала на мгновение и таяла, растворя-

лась в воздухе. Молодая женщина была заморожена нечаянным зрелищем.

– Зимой, – пояснил старик, – всё это ложится узорами на чьи-нибудь окна в Рождественские каникулы. Весной это проникает в разум и души людей – и они называют это волнением, томлением, желанием любви. Летом это окутывает теплом темной ночью и проносится звездопадом над головой. А по осени я собираю ингредиенты для нового варева из созревающих душ.

Старик вдруг умолк. Молодая женщина подняла на него глаза.

– Будет об этом, – махнул старик рукой, прислонил палку к своей коряге и внимательно посмотрел на женщину. – Твой муж был у меня недавно. Ну, как недавно. Для тебя – давно, для меня – наемдни. Сейчас я напомним тебе кое-что. Он был тогда еще парнишкой и подарил тебе как-то на Новый год такой странный мешочек, перевязанный золотой тесёмкой. – старик сделал паузу, пристально наблюдая за женщиной. Глаза её расширились, губы приоткрылись, она замерла.

– Он, должно быть, наплел тебе что-то про сказку, – продолжал старик, явно довольный результатом своих слов, – Ты, конечно, слушать дальше не стала, да и он позабыл всё на свете.

Снова пауза.

– Ты просто забыла, но ты сейчас вспомнишь. Ведь всё, всё-всё у вас было и есть. Ведь в том мешочке, который ты

нечаянно открыла и забыла собрать...

– Не забыла. – молодая женщина перебила старика, вскочив на ноги. Послышался треск, словно лес валили. На другом берегу, где белый пегас мирно щипал еще зеленую местами траву, чемодан подскакивал, и из него били яростные лучи.

Чемодан вдруг раскрылся, упал, оттуда выкатился шар, раскололся надвое и...

– Да. Просто тогда была зима. И озеро застыло. – произнесла молодая женщина с мягкими каштановыми волосами.

Она взглянула на древнего старика, но тот сам смотрел во все глаза на противоположный берег.

– Да, – кивал он, – такого я и сам в своей жизни не видел.

Святящийся маленький предмет, перевязанный золотой тесьмой, раскрылся, опрокинулся звездным небом, и настала ночь.

– У тебя еще есть время, – заторопился старик, – беги. Он ушел туда.

Старик махнул рукой в сторону леса за своей спиной.

– Пришел оттуда и ушел туда. Там вы и встретитесь.

И женщина поспешила в указанном стариком направлении.

Молодая женщина с мягкими каштановыми волосами погрузилась в дремучий лес. Наступившая ночь, как казалось женщине, ничуть не помогала, если не наоборот.

Ночь была хоть и звездная, но темная-темная, и лес от того казался еще более дремучим. И женщина пробиралась сквозь царапающие её ветви, пока не обнаружила тропинку, которая, виляя меж деревьями, лихо обходила густые заросли и болотные топи.

Она шла по этой узкой тропе довольно долго. Так долго, что порой ей казалось – выхода уже не найти. Потом она думала, что, вообще, зря затеяла всю эту авантюру и могла просто, как и раньше, как всегда, дремать в своём уютном кресле, обернувшись белоснежной кошкой, и дожидаться своего мужа. Но затем молодая женщина вспоминала, что отправилась на поиски не случайно, что от исхода задуманного зависит судьба её семьи.

Женщина еще не представляла, что может её ждать, достигнет ли она цели и какой окажется эта цель в действительности. И, тем не менее, встряхнув головой, женщина продолжала свой путь, решительно, не оглядываясь, не сожалея.

А ночь была глубока, и лес был дремуч и непредсказуем. Несколько раз женщине с каштановыми волосами мерещилось, что выход близок, что он – вот – рукой подать. Но оказывалось – нет, то был не выход, а всего лишь обман зрения и обман надежд. И женщина крепилась, стиснув зубы, она не впадала в отчаянье.

Потом ей чудилось, что какой-то неведомый голос зовет её свернуть с тропинки, кто-то говорит, что выход из леса где-то лева или справа, а то и вовсе надо б вернуться назад.

Но женщина помнила, что назад возвращаться нельзя, а слева и справа топь да болота, и туда не ступала нога человека.

И женщина с каштановыми волосами шла вперед. Ведь у неё были только вера и надежда. Вера и надежда. Она старалась забыть свой неумный страх, свой почти животный ужас, забыть накатывающие слезы и распирающий грудь крик отчаянья. Забыть, что устала и совсем-совсем слаба.

Молодая женщина с мягкими каштановыми волосами отважно пробиралась темной ночью в дремучем-дремучем лесу, и вдруг меж деревьями забрезжил просвет. «Настоящий».

Зажмурилась. Молодая женщина с мягкими каштановыми волосами зажмурилась от слепящего света.

Когда глаза немного привыкли, женщина увидела белое поле. Она стояла посреди белого бескрайнего поля, а лес, темный-темный лес отступил и исчез. Будто его и не было.

Над полем простиралось звездное небо, а поле было белым-бело. «Да ведь это же снег», – женщина нагнулась, взяла в руки горсть белой массы и поднесла ближе к глазам, даже понюхала. «Снег».

Среди заснеженного поля стоит дом. В окнах горит свет, дым валит из трубы. «Вот бы погреться», – думает женщина, ежась и потирая ладони. Она только теперь осознала, что замерзла и голодна, что у неё все болит от усталости и ссадин, которые нанесли ей ветки колючих кустарников.

Молодая женщина с мягкими каштановыми волосами по-

шла по колено в снегу к дому. Добравшись до дома, она постучала в дверь, но ответа не последовало. Она толкнула дверь, но та не поддавалась – оказалась заперта. Женщина ещё раз постучала и, не получив в этот раз ответ, направилась к окнам, из которых бил свет.

Обойдя вокруг дома, молодая женщина нашла одно окошко, занавески на котором не были плотно прикрыты. Она приподнялась на цыпочки и, едва-едва доставая до подоконника, заглянула в дом.

Женщина с каштановыми волосами увидела, как в комнату с улицы входят пожилая женщина и маленькая девочка лет пяти. И откуда они взялись – вокруг дома не было ни души! Да и двери не поддавались ни в какую.

Кто бы ни впустил припозднившихся гостей в дом, только девчушка, не снимая валенок и шубки, пробежала в комнату и кинулась прямо в объятия, по всей видимости, своего деда.

Внезапная боль пронзила тело молодой женщины. Голова её закружилась и она, потеряв равновесие, упала без сознания прямо в снег под окном.

– Пропавшая душенька, – этот голос привел молодую женщину в чувство.

Она сидела напротив говорившего, а между ней и «собеседником» располагалась большая шахматная доска. Все фигурки на ней стояли точеные, из слоновой кости – очень красивые. «Как во сне», – подумала молодая женщина с мягки-

ми каштановыми волосами.

– Ну, что, сыграем партию? – предложил рогатый. А «собеседник»-то были в самом деле – черт. Не иначе.

– Только не вздумай вновь обернуться этой своей белой кошкой, как ты обычно делаешь в любую дурную погоду, – издевательски произнес черт и сделал ход.

Молодая женщина раздумывала. Сделать ответный ход значит оказаться вовлеченной в игру. В игру по его, черта, правилам. Она пыталась угадать... угадать причину и предугадать последствия. Она разыгрывала собственную шахматную партию. Только фигурами были она и черт.

– А ты долго-то не раздумывай. Не раздумывай-не раздумывай. – говорит самодовольный черт, – Если белый король одержит победу... – сама понимаешь.

И черт крикнул. От удовольствия. От предвкушения грядущего боя. Боя не на жизнь, а на смерть.

«Как же обыграть самого черта»? – мучительно соображает молодая женщина с мягкими каштановыми волосами. Волосы её послушными волнами ниспадают на плечи, ложатся на спине.

– Ну, всё! Время вышло! – говорит разгневанный долгим ожиданием черт. – Мой ход!

И он двигает свою черную туру вперед. Ничего лучше он придумать не мог. Еще несколько подобных ходов, и он выиграет. Вырубив предварительно все фигуры молодой женщины с мягкими каштановыми волосами. А та, как загнипно-

тизированной кролик – не шелохнется. И кошка спала где-то глубоко внутри этой женщины. И ночь была близка к концу. Скоро должен наступить рассвет.

А черт радовался, как малый ребенок: хлопал в ладоши, постукивал копытами, то ли блял, то ли хохотал.

Вот-вот и он объявит белому королю, сидящему верхом на черном пегасе, шах и мат.

И вдруг первый луч пробился сквозь закрытые ставни окон, женщина встала со своего места, схватив с доски белого короля, и со словами:

– Вот тебе и ход конем, – опрокинула доску на пол. Фигуры разлетелись по всем углам...

– Хэй! – завопил черт, но тут солнечный луч обжег его правое копыто, и черт, злобно сверкнув на женщину глазами, в два прыжка исчез где-то в дымоходной трубе камина.

А женщина, прижимая к груди белого короля, кинулась прочь из дома.

Белая пушистая кошка как всегда спит у камина в темной комнате. И за окнами ночь.

Она проснется, приоткроет один глаз – топится камин – и снова уснет. В окна барабанит упрямый осенний ливень, кошка поведет ушами, крепче зажмурит глаза и всего делов-то.

Белая пушистая кошка спит. Ей – всё равно.

В доме совершенно тихо. Совершенная тишина. М-м-м...

Даже поленья не потрескивают в камине. Огонь молча отдает тепло, разбрасывая свои блики по всему пространству. Блики падают на разложенную шахматную доску. Рядом лежат фигуры – так, словно спят вповалку. На доске стоят белый король и белая королева. Партия, безусловно, завершена. Хотя, может быть, она только начинается. Вот-вот начнется.

Блики пляшут по стенам. В соседней комнате спят двое: молодой мужчина и молодая женщина с мягкими каштановыми волосами.

Настя улыбается

– Это что-то новенькое... – призадумавшись, почесывая плешивый затылок, говорит Теодор. Он уставился на мальчугана, стоящего перед ним.

– Три билета, – протягивает пацан три длинных бумажки. Теодор берет их и внимательно изучает. Мальчик поставил его, прямо скажем, в тупик.

– Три билета, – произносит, растягивая слова, Теодор и не спешит возвращать билеты владельцу.

– Ну, да, – шмыгая носом, говорит малец, – чо тут непонятного-то?

– Хмм, – смотрит на него Теодор, наклоняется и вручает три заветных бумажки мальчишке. – Держи.

С этими словами Теодор разворачивается и уходит, крепко схватив левой рукой лопату и грабли. Солнце жарило всю, легкий ветерок. Май, одним словом.

Ранетки еле сдерживают свои ярко-розовые бутоны – вот-вот и взорвутся цветом сады. Но пока – тишина. Теодор садится на крыльцо, берет поднесенный дочерью кофе и жадно пьет – как будто тысячу лет не пил ничего подобного – ничего более вкусного. Он улыбается солнцу и ей. И дочка садится рядом, с удовольствием вдыхая дым от сигареты отца.

Серо-синее озеро целуется с белыми чайками. Те зависают на крыльях над волнами и с жадностью проникают в их

влагоу и холодные ласки, несомненно, рассчитывая на достойную их клюва добычу.

Длинные русые волосы девочки приковывают внимание Теодора. Он любуется на дочь и улыбается себе. Себе, своим внутренним мыслям, своему внутреннему состоянию. Он думает, что мало, чем может похвастаться в своей жизни. И дочь – это как раз гордость своего отца.

– Поступило предложение, – как бы невзначай произносит он. Девочка с удивлением оборачивается на него.

– Сосед приглашает нас с тобой в кино под открытым небом. Он приобрел три билета. Как ты на это смотришь?

Брови девочки ползут вверх.

– Пошли, папа! – говорит она, не скрывая радости.

– Что ж, слово дочери для меня закон, – улыбается отец.

Отдыхая здесь от суеты и шума, отец с дочерью ходили на рыбалку, копались в саду, пили кофе на открытой веранде. Голоса цивилизации напрочь отступили, удалились, ушли – даже связь здесь появляется через раз. Длится это их приключение уже пару недель, поэтому девочка рада сходить куда-нибудь развлечься – тем более рада она тому, чего никогда не пробовала – кино под открытым небом. В хорошей компании. С самыми дорогими ее сердцу людьми.

– Отец сказал тебе? – шмыгая носом, спрашивает мальчик. Они сидят на высоком заборе, болтают ногами в воздухе и любуются на закат.

– Да, – говорит, зажмурившись, девочка. Она слышит

стрекоз, порхающих над садами. В ее сердце праздник.

– И? – не унимается мальчик.

– Он согласен, – вздыхает с улыбкой девочка. Она всё еще жмурится и не может видеть, как расплывается в улыбке мальчик. Зато она слышит стрекоз, а улыбку чувствует внутри – она проникает в нее как солнечные лучики, дразня и заливаясь от радости.

– Значит, в субботу идем в кино! – кричит мальчик, со-скакивая с забора, – мне пора домой! Мама будет ругаться! – счастливо сообщает он и бежит со всех ног к себе.

– До завтра! – кричит ему вслед девочка. Она распахнула глаза и машет рукой с высокой перекладины. Мальчик оборачивается и машет в ответ.

– Пока!

Завтра наступило почти мгновенно: вечером девочка еще долго лежала в своей комнате на чердаке, читала при свете настольной лампы, слушала порхание мотыльков, шелест листвы и занавесок на её окне, мечтала. Потом она уснула, а когда открыла глаза – уже разгорался день.

Девочка сбегает по ступенькам лестницы вниз, завтракает на кухне холодным молоком с ягодами и кукурузными хлопьями, потом распахивает двери и выскакивает на крыльцо. Отец стучит молотком, что-то чинит. Соседский мальчишка стоит на своем крыльце и многозначительно машет удочкой.

– Пап! Я на рыбалку! Хорошо? – с восторгом сообщает

дочь и уже обувает сандалии.

Отец перестает колотить молотком, поднимает на нее глаза.

– Рыбалка – хорошее дело. Только вода еще холодная, так что... ты сама знаешь.

– Да, пап! – по дорожке среди зелени и воздуха промелькнули дочкины пятки и были таковы.

– Привет!!! – громко приветствует своего друга девочка.

– Сегодня на рыбалку пойдем, – переходит сразу к делу мальчик, берет свободной рукой девочку за руку, и они идут по грунтовой дороге по направлению к пруду. Пруд не так уж далеко от их домов, путешествуют они всегда весело. Поэтому дорога коротка вдвойне.

Мальчик и девочка идут к широкому мостику, который далеко заходит в воду. Берег в этом месте высокий, можно свесить ноги с деревянного настила и болтать ими, не боясь промокнуть. Они так и поступают. Мальчик располагается на краешке, открывает жестяную банку, достает дождевого червя и насаживает беднягу на крючок. Девочка морщится.

– Садись рядом, – приказывает мальчик, – и держись меня.

Девочка улыбается и послушно усаживается рядом. Мальчик закидывает удочку и жмурится от солнца. Он засовывает руку в карман, достает пригоршню жареных семечек и протягивает девочке.

– Держи, – говорит он. Девочка берет горстку, благодарит.

Так они сидят на кромке мостика, щелкают семечки, то молчат, беззаботно болтая ногами над глубокой водой, то переговариваются.

– Странное имя у твоего отца, – говорит мальчик.

– Нет. Обычное, – улыбается на это девочка, – так-то имя у папы Федор. Просто все почему-то коверкают его имя и называют Теодор на иностранный манер какой-то.

– А он что?

– А он так привык, что уже при первом знакомстве всем так и представляется. В шутку как бы. Говорит, что если люди адекватные, то юмор оценят.

– Какие-какие?!

– Адекватные, – смеется девочка, – это с чувством юмора, наверное, я думаю.

– Ммм, – протягивает мальчик, – а если нет?

– А если нет, то папа говорит, что и расстраиваться по этому поводу не стоит.

– Ааа, – опять тянет мальчик и понимающе кивает.

Солнце тем временем поднялось высоко, стало припекать.

– Надень что-нибудь на голову, – говорит мальчик, потом внимательно смотрит на девочку, – у тебя есть косынка или панама?

– Нет, – качает головой девочка, – мне не жарко, – уверяет она его.

– На, надень, а то голову напечет, – мальчик снимает с головы свою панаму и протягивает её девочке. Девочка не

решается взять.

– Надень, говорю! – мальчик вскакивает на ноги и надевает панаму на девочку сам. Девочка улыбается, поправляет волосы и смотрит на мальчика из-под покатых полей.

– То-то же, – произносит спокойно мальчик, потом вдруг спохватывается, – смотри! Клюёт!

Он ловко скручивает леску, и из глубокой синей воды поднимается огромный карась.

– Ух, ты! – говорит девочка. И мальчик, взглянув на нее искоса, оценив произведенный эффект, с гордостью протягивает рыбу девочке.

– Погладь его, если хочешь, – предлагает он, – красавец, правда?

Девочка осторожно касается блестящей чешуи и согласно кивает в ответ. Мальчик кладет улов в ведро с водой, и карась плещется там, обрызгивая ребят с ног до головы. Они визжат и от восторга, и оттого, что вода холодная. Оба смеются.

– Время обед, – говорит мальчик, посмотрев вдруг на солнце, – пора домой.

Девочка не устает удивляться своему другу: как он угадывает время по солнцу, как знает расположение сторон света, как много всего умеет. Она помогает собрать снасти, и они направляются домой.

Только девочка шагнула на сушу, как ни с того ни с сего подул ветер, сорвал с ее головы панаму мальчика, и панамы

покатилась по настилу мостика прямо к воде.

– Я сейчас! – спохватывается девочка и бежит догонять улетающую панаму. Где же ей угнаться за ветром.

– Пстой! – кричит ей вслед мальчик. Но она, оказавшись уже на кромке мостика, хватается панаму и, победно махая ей, разворачивается к мальчику. Ещё один порыв ветра, девочка теряет равновесие и летит в воду.

«Аааах»! – только и успевает не то подумать, не то сказать она. Вода ледяным покрывалом смыкается над ней. И становится нестерпимо тихо...

Мальчик отвернулся всего на секунду. Он просто пошел впереди. А надо было все время держать ее за руку. Он ведь закричал ей, но... разве удержишь. Мальчик увидел, как глаза ее широко раскрылись, и вот она падает прямо в холодную воду! Он бросает все и кидается с моста в пруд. Он так быстро бросается следом, что почти ловит её в свои руки – там, под водой. Крепко схватив девочку, мальчик с силой отталкивается от песчаного дна, и они выныривают на поверхность.

Прижимая девочку к себе, мальчик плывет к берегу. Он даже не понял еще, в сознании девочка или нет. На суше мальчик кладет девочку лицом вниз, перегнув через свое колено. Она тут же закашляла. Только тогда мальчик вздыхает сам. Он, похоже, тоже перестал дышать, пока она не дышала.

Они садятся, замерзшие и перепуганные, на солнце, несколько минут приходя в себя. Потом молча отжимают

одежду, берут снасти и направляются, было, домой. Мальчик вдруг останавливается, разворачивается, подходит к воде и выпускает пойманную им рыбку в пруд. Так они и возвращаются с рыбалки.

– Что случилось?! – изумляется отец, глядя на дочь.

– Я упала в воду, – сообщает та и вдруг начинает плакать, – а Саша меня спас.

Теодор молча смотрит на соседа, обнимает дочь и ведет в дом. Он оглядывается и кивает мальчику в знак благодарности. Мальчик шмыгает носом, проводит по нему мокрым рукавом рубашки и идет обедать.

Теодор поит дочь чаем с медом, они едят. Она рассказывает отцу, как всё произошло. Тот молча выслушивает её, потом говорит:

– Что ж, всякое в жизни случается, – и на том это приключение закончилось.

Мальчик своей семье ничего рассказывать не стал. Он чувствовал себя виноватым. Да и разговорчивым его родители не назвали бы. Он поблагодарил маму за обед, вылез из-за стола и направился во двор, помогать отцу.

– Что, сегодня без улова? – спросил мальчика его отец, не поднимая головы от инструментов.

– Ну, да, – ответил мальчик и тоже принялся за работу.

А вечером он, Теодор и Настя (так зовут девочку) сидят у них на крыльце, пьют горячий какао, едят пироги, которые испекла мама Сашки, и наслаждаются установившейся пого-

дой.

Наконец, наступает суббота.

С утра девочка наводит порядок в доме. Помогает отцу с обедом. Она работает в цветущем саду. То и дело вбегает в дом попить холодного кваса и глянуть на большие часы с кукушкой, что стоят у них в кухне. Теодор улыбается, снова склоняется над грядками и продолжает свой труд.

Когда жар спадает, и солнце припекает меньше, Теодор и Настя берут свои лейки: у Теодора большая железная, а у Насти – маленькая пластмассовая ярко-красная леечка – и принимаются поливать свои посадки.

– Скоро всё взойдет, – вздыхает отец, усаживается на крыльцо, стягивает свою ковбойскую шляпу и оттирает лоб рукавом клетчатой рубашки.

Настя смотрит на него и улыбается. Девочка переводит взгляд на солнце – оно едва не касается своей кудрявой головой горизонта. Настя хмурит лоб, глаза ее приобретают абсолютно круглую форму, она спохватывается и вскакивает на ноги.

– Пора собираться в кино! Папа!

И она со всех ног устремляется в свою чердачную комнату. Теодор также встает, идет на кухню, ставит греться чайник, умывается и надевает чистую рубашку. Настя переворачивает весь свой гардероб, находит свое чудесное белое в розовых цветах платье и спешит его погладить. Она при-

чесывает свои изумительные длинные волосы и одевается. Нарядная, Настя спускается к отцу. Тот сидит у окна и пьет крепкий чай. Он оборачивается, смотрит на дочь и снова испытывает гордость за своего ребенка и за свою жизнь.

На пороге возникает Саша, такой же всклокоченный как всегда, но в свежей рубашке и чистых джинсах. Теодор встает, и они все вместе отправляются в кино под открытым небом.

– Это недалеко, – сообщает мальчик, пока они идут по грунтовой дороге среди травы и деревьев. Пересекают лесок и оказываются на поляне, а дальше – обрыв. Здесь-то и установлен огромный экран, который вот-вот и замерцает, и оживет.

Саша подходит к какому-то человеку, показывает ему три длинных бумажки. Человек что-то говорит ему, потом показывает на места для просмотра – длинные лавочки в несколько рядов, где уже копошатся люди, смеясь и переговариваясь вполголоса, как будто они в настоящем кинотеатре.

Настя с интересом разглядывает все и всех вокруг. Наконец, подходит Сашка, берет девочку за руку и приглашает их с Теодором пройти на свои места.

Только Теодор, Сашка и Настя усаживаются, как экран оживает. И воцаряется тишина.

Возможно, Насте был интересен не столько сюжет картины, сколько сама атмосфера необычного для нее кинотеатра. Черно-белый фильм после всех этих новинок 3D и 4D

на большом экране в сумерках сельской ночи. Рядом, по обе стороны, сидят Саша и отец. И звезды в темно-синем небе загораются одна за другой.

Фильм был про женщину, у которой было все, что ее душе угодно. И работа, и деньги, и дом, и компания шумных друзей, и поклонники. Но Настю не оставляло ощущение её, героини, безмерного одиночества. «Как раньше снимали фильмы», – негодовала про себя девочка. С героиней происходили разные случаи, возникали всякие ситуации. Однажды она даже чуть не погибла, разбившись на автомобиле. И вот женщина сидела за каким-то столиком, напротив ее сидела другая женщина. И по всему видно, что они были незнакомы. Героиня рассказывала незнакомке историю своей жизни. Только отчего-то не той жизни, которой она жила сейчас, а другой. Как она была ребенком. Как она жила в деревне. Как рядом с ней были родители и был мальчик, с которым их связывала крепкая дружба. Она поделилась с незнакомкой тем, что спустя много лет она любила того мальчика из своего детства, из своей юности. И готова была обменять все, что она сейчас имела на то яркое, богатое впечатлениями, горестями и радостями далекое, недостижимое и манящее, чем была их жизнь тогда. И тут наступил финал. Настя видит всех героев фильма, которые искали пропавшую бесследно главную героиню. «Вот уже две недели мы ищем ее», – была финальная фраза. И фильм закончился.

Настя понимает, что невнимательно смотрела кино, по-

этому не пеняет на тех, кто снял этот фильм, за открытый финал или за малопонятный сюжет. Она итак довольна, просто счастлива. Ей необыкновенно легко и хорошо.

Саша, Теодор и Настя возвращаются домой. По одну сторону идет отец, по другую шагает Саша. Они держат Настю за руки. Самые главные люди в ее жизни.

– Странно, – шмыгает носом мальчик, отмахиваясь от комаров, – А ты заметила, что тетку из фильма звать-то прям как тебя.

Настя улыбается.

В розовом цвете

На столике лежат розовое зеркальце, розовый лак для ногтей. И даже пилочка розового цвета лежит на столике. И очки в розовой оправе сидят на переносице. Их хозяйка хмурится, но под большими темными линзами не видно ни глаз, ни скорбных морщинок на лбу. За столиком сидит довольная дама, пресыщенная, самовлюбленная. Возможно даже, под брюнеткой прячется блондинка, и ее темные волосы – блеф.

– Вы слышали про Закон Притяжения? – спрашивает она.

– Что-то слышал. Глупость, по-моему, – раздраженно заявляет собеседник.

– Вы фаталист? – безо всякого перехода интересуется дама в очках, наклонив слегка голову набок. Собеседник не видит её глаз, и его это заметно раздражает.

– Нет. Отчего бы?

– Отчего бы Вам быть фаталистом? – молниеносно переспрашивает дама, подаваясь вдруг всем корпусом вперед. Благо, говоривших разделяет столешница.

– Д-да, – запинаясь от странных телодвижений женщины, соглашается мужчина на противоположной стороне.

– Если Закон Притяжения глупость по Вашему мнению, выходит, что люди не хозяева своей судьбы. Я правильно Вас поняла? – голова дамы в раздражающе темных очках попрежнему была наклонена набок. И это раздражало тоже.

– Нет. Вы неправильно меня поняли. По Вашему закону притяжения человек может иметь Всё, что захочет. Вот это глупость по моему мнению.

– Ммм, – собеседница берет бокал, делает глоток. После чего в разговоре повисла пауза. Наконец, мужчина прощается, встает и уходит.

Девушка берет свою миниатюрную сумочку, вынимает из нее телефон и звонит мне.

– Да, – устало говорю я в трубку.

– Может, сходим в кино? – спокойно спрашивает она, потягивая что-то из бокала: я слышу как о стекло с едва уловимым звоном коснулись её зубы, и как в стеклянной ловушке зашелестел напиток.

Я ненавижу ходить с Дождем в кино. Особенно на фильмы ужаса. После мы шли по коридору, и все оборачивались на нас, так как моя подруга истошно... Вы думаете, рыдала?! И вы купились на этот приемчик? Хохотала она истошно! Ни один триллер, не говоря уж о сопливых мелодрамах, не брал Дождя. Она шла по длинному коридору от кинозала до выхода и истерически тряслась от хохота. Окружающие сторонились нас, шарахались в стороны, а я, раз уж мне некуда было деваться, в муках краснел. Поэтому я ненавижу ходить с Дождем в кино.

– Ну, пожалуйста, Солнечный Луч! – почуввав мою нерешительность, пролепетала она. И я сдался. Опять.

– Да, хорошо. Я узнаю, что сегодня идет, и позвоню.

– Ок!

На этом наш разговор был закончен. Я поднялся со своего рабочего места и принялся кормить рыбок в нашем офисном аквариуме. Это успокаивает. Правда, рыбки с такой диетой долго не живут.

Дождь – девушка яркая, неординарная, начитанная. Иногда у меня возникает мысль – не тех книг она начитанная. Надо было подсунуть ей любовные романы в мягкой обложке в свое время. А время это давнее, потому что знакомы с Дождем мы вечность.

Небольшие деревянные дощечки прибиты к крепкому стволу старого дерева, уходя высоко в крону. Там, должно быть, шалаш. Вы подходите ближе, вглядываетесь в густую листву, но не видите ничего. Только загадочные ступеньки увлекают Вас в высоту – туда, где дерево говорит с облаками и с синевой небес.

Вы не подозреваете, но из засады, оттуда, сверху за вами пристально наблюдают четыре внимательных глаза. Девочка с растрепанными косичками, ссадинами на коленках и локтях, в шортах и майке, больше похожая на озорного мальчишку, это Ветер. А тот мальчик с веснушками на лице и вечно шмыгающим носом в рваных джинсах и грязной футболке – это я, Солнечный Луч. Вам надоедает ждать неизвестно чего, Вы разочарованно вздыхаете и уходите. А вслед Вам задиристо улюлюкает вся молодая листва. Вы оборачи-

ваетесь, вид у Вас озадаченный. И дерево заливисто хохочет детским непосредственным смехом.

Я заехал за Дождем в девять вечера, и мы отправились в кино.

– Какой-то экшн, – без энтузиазма прокомментировал я.

– Экшн, – повторила Дождь и улыбнулась. Её длинные темные волосы струились по плечам и спине. Она наде- ла красное платье. Как всегда, накрасила только ресницы. Очень красивая, она сидит рядом со мной, и я в драных джинсах и простой футболке с распродажи веду свой Эклипс десятого года. Мы едем по сверкающим улицам города. Нам на пятки мягко наступает ночь.

– Как день прошел? – закуриваю и интересуюсь я.

– Пока я сидела в кафе, ко мне за столик подсел какой-то привлекательный тип. Такой уверенный в себе, знаешь, в безупречно выглаженных рубашке и брючках...

– И что же? – поддержал я разговор.

– Отвязалась, конечно.

– Отчего так? – усмехаюсь я.

– Он загораживал мне вид, – пояснила Дождь, хлопая сво- ими длинными ресницами.

Когда к соседнему дому подъехала машина, и из нее вы- прыгнула девчонка в белом кружевном платье, с бантом на аккуратной головке, Солнечный Луч совсем сник. «Прощай,

Орлиный Глаз», – мысленно послал он еще одно «прощай» своему лучшему другу, который жил здесь до недавних пор, а теперь обитал где-то на другом конце света, откуда слал короткие послания через интернет.

Мальчишки дружили с пеленок, на один горшок ходили. Они придумали себе эти индейские прозвища, построили шалаш на большом дереве за домами, где город граничил с бескрайней степью. И тут вдруг родителям Орлиного Глаза приспичило переезжать. Пролив немало слез, мальчишки растались, клятвенно обещая писать друг другу письма. Правда, писать и тот и другой не любили да и не умели еще (в силу своего малого возраста). Возможно, поэтому письма Орлиного Глаза отличали краткость и малая доля здравого смысла.

А тут еще этот сюрприз с девочкой. Как она могла явиться сюда, омрачить своим белым кружевным платищем чудесную атмосферу вседозволенности и мальчишеской свободы.

Однако, когда девочка раз, а потом еще и еще раз появилась в шортах и майке, Солнечный Луч заподозрил в ней неплохие задатки. Прошло ни много ни мало дня два с момента приезда новой соседки, и Солнечный Луч подошел к ней с целью познакомиться.

– Привет, – протянул руку Солнечный Луч, – Я – Солнечный Луч. А у тебя какое будет имя?

Девочка глядела на странного соседского мальчика со

странным именем и молчала. Солнечный Луч замялся – его начинало терзать сомнение. Девочка молчала. Её волосы трепал летний ветерок. Солнечный Луч шмыгнул носом, скривил губы, в задумчивости глядя на незнакомку.

– Я придумал! – воскликнул Солнечный Луч, – Тебя будут звать Ветер!

Девочка внезапно улыбнулась. И с тех пор они не расставались.

Дождь любит розовый цвет. Любит яркие вещи, тепло и комфорт. Она верит в Закон Притяжения.

Вот мы сидим в кино. И она демонстративно зевает и причмокивает. Я же предупреждал, придется краснеть.

– Дождь! – толкаю я ее в бок локтем.

Она смотри на меня невозмутимо и снова зевает, только теперь мне в лицо. Я качаю головой и делаю попытку досмотреть фильм. Но Дождь уже шуршит чем-то в сумочке и на нас шикают со всех сторон, на что моя подруга подает голос на весь кинозал:

– Не могу ничего поделать, – она невинно пожимает плечами и разводит ручками.

Я теряю терпение и выхожу. Дождь идет за мной. Мы молча идем на улицу, и по улице, и в какое-то кафе. У красивого Дождя глаза грустные.

– У красивого Дождя глаза грустные, – говорю, не глядя

на Дождь, я.

Дождь передергивает плечами, словно ее знобит. И опускает взгляд, отводит куда-то в сторону. Смотрю на нее пристально, протягиваю руку, поправляю прядь непослушных волос, которая упала на лицо Дождю, защекотала нос.

Как-то весенним днем, когда Ветру и Солнечному Лучу было по шестнадцать лет, они возвращались домой из школы. Ветер задорно смеялась, Солнечный Луч любовался ею.

Разговаривая и смеясь, Ветер и Солнечный Луч повернули на свою улицу. Они увидели неестественное движение у дома Ветра и ускорили шаг и побежали.

Возле дома столпились соседи, стояла полицейская машина, а на крыльце сидела тетка Ветра, которая жила за тридцать земель отсюда. Она увидела девушку, встала и зарыдала.

– Где родители?! – закричала Ветер.

– Детка! – рыдания не давали тетке вымолвить ни слова.

Выяснилось, что родители Ветра попали в аварию на дороге. Они разбились насмерть.

Были похороны. Была гигантская пропасть в груди Ветра. И хоть Солнечный Луч всегда оставался с ней рядом, он не мог ничем залечить её раны, не мог заполнить пропасть боли в ее груди.

После похорон на пороге дома Ветра появились мужчины в выглаженных рубашках и брюках с важным видом и какими-то бумагами. Выяснилось, что у родителей Ветра име-

лись непогашенные задолженности, благодаря которым она лишалась не только дома, но и возможности получить хорошее образование. Также по достижении двадцати одного года Ветер обязывалась выплачивать долги и по другим кредитам своих родителей. Но Ветру были безразличны материальная ответственность и отсутствие крыши над головой. Она бы все отдала за жизнь родителей. Да вот беда, даже отдавать-то было теперь нечего.

Ветер погрузилась в сон. Сердце ее, что называется, покоилось на дне океана.

Ветер и Солнечный Луч сидят на ветке раскидистого тополя, где когда-то был их шалаш, и только импровизированные ступеньки в небо напоминают о нем теперь. Солнечный Луч молчит, покачивая ногами в воздухе. Ветер плачет. Что ей теперь все драмы и трагедии этого мира. Слезы нескончаемым потоком текут по ее щекам. Её черное платье намокло. Ветер смотрит на черное платье и вдруг в ярости кричит:

– Ненавижу черный цвет! Ненавижу!!! Никогда больше не надену черное! Никогда!!! Никогда!!! Никогда!!!

Она плачет навзрыд. Солнечный Луч придвигается ближе, крепко прижимает девушку к себе.

– Какой же ты Ветер?! Ты Дождь! – утирает слезы с лица её Солнечный Луч.

И вот Вы совсем скрываетесь из виду. Дети ловко вска-

рабкиваются в самую вышину, внимательно озирают местность. Не обнаружив никаких значительных объектов, за исключением пасущихся коров на облитой солнцем степи, они забираются в шалаш. Там припасены вода, хлеб, вареная молодая картошка и свежие овощи.

Дети хватают огурцы и принимаются хрустеть ими, набивая полные рты. Солнечный Луч внимательно наблюдает за Ветром.

– Почему ты всегда начинаешь есть огурцы с темной стороны? А если попадется горький? – с искренним любопытством интересуется вдруг Солнечный Луч.

– Значит, я узнаю об этом первая, – с улыбкой заявляет Ветер.

Шепчущая коробка

За окном дул сильный, холодный, бесприютный осенний ветер. Он гнул, низко-низко к земле пригибал тонкие садовые деревца. Он беспощадно срывал с них оставшиеся одеяния.

А в доме сидела хрупкая молодая женщина в серой вязаной кофточке, джинсовой юбке, и на коленях у нее свернулась калачиком голубая пушистая кошка. Молодая женщина наблюдала из окна за своим старым знакомым ветром. Как замороженная. Она провела рукой по мягкой кошачьей шерсти. Один раз. Из-под ладони посыпались самоцветы. Они с шумом упали и раскатились по дощатому полу.

Была истоплена печь, поэтому тепло растекалось по комнате, и сидеть так, глядя на непогоду за окном, было уютно.

Минувшим вечером говорили о цинизме врачей.

– Вы только подумайте, – говорил кто-то, – с каким безразличием они сообщают вам о смерти, например

– Словно Вы и не человек вовсе, – поддакивал кто-то еще.

– Никакого сострадания, – негодовали в стороне.

– Нет! Вы только подумайте!

Женщина слушала их тогда, закрыв глаза. Она не различала, кто говорит – все голоса для нее слились в один – неумный шелест.

– Так представьте себя на месте врача: как Вы сообщите

человеку, что он умрет, что он обречен, а Вы бессильны ему помочь, – сказала молодая женщина, не утруждая себя открыть глаза. Повисла пауза.

– Н-н-ну... – попытался что-то сказать кто-то.

– Ведь... – как один быстрый звук выдохнул кто-то еще.

И пауза затянулась.

А потом все дружно придумали себе новое развлечение, потом пили в гостиной чай, потом все разъехались по домам.

Вот, собственно, и все.

А через неделю тема всплыла вновь.

– Да, конечно, лучше горькая правда, чем сладкая ложь, – сказал кто-то.

– Но ведь есть еще ложь во спасение, – возразил кто-то еще.

– Обоснуйте свое мнение, – напали на него.

– Говорят же, что случались чудеса исцеления. Когда общались человеку, что он здоров или идет на поправку, он так в это верил, что выздоравливал и впрямь, – с жаром повествовал кто-то еще.

– Так ведь и здесь есть немало подводных камней, – скептически цыкнул кто-то.

– В смысле?! – принял позу кто-то еще.

– Солги ты человеку, что он здоров. Ну, а дальше что? Человек станет постоянно замечать, что окружающие как-то странно на него глядят, как-то иначе себя с ним ведут. А тут еще недомогание и боли. Как Вы на это смотрите, друг

мой? – с наименьшим жаром высказался кто-то и победно взглянул на кого-то еще.

– М-да, – и на этом разговор затих. Потом плавно перетекли на чьи-то хобби и увлечения, потом пили чай в гостиной, потом все разъехались по домам.

Молодая женщина в вязаной серой кофте пребывала в том чудесном состоянии умиротворения, покоя и счастья, когда кажется, что все хорошо, когда уютно, сытно и тепло (как кошке), когда невольно веришь в чудо и чуда ждешь. Оно вот-вот произойдет.

Самоцветы поблескивали по углам, кошка перебралась поближе к очагу. Мужчина вернулся домой с работы. Его жена дремала у окна в красивой естественной позе в своей вязаной кофточке с заколотыми мягкими волосами. Он подошел, наклонился поцеловать ее, чтобы как-то особенно нежно разбудить. Но его молодая жена была мертва. Все закончилось. И ничего больше нет.

Это случилось шестнадцатого октября 2010 года. А на следующий день выглянуло солнце. И упрямо, настойчиво принялось согревать замерзающую землю.

Как ни старался вчерашний ветер, ему не удалось раздеть и разуть деревья в саду. И их задорно рыжеющая листва горела на солнечном свете до самого западного горизонта, до самого-самого края Земли.

Солнце поднималось все выше и выше. Вот оно заглянуло

в окно. Голубая пушистая кошка пришла откуда-то с улицы, напилась теплого молока из своего блюда, нашла взглядом хозяйку и прыгнула ей на колени. После чего свернулась калачиком и уснула, спрятав замерзший розовый нос.

Солнечные лучи тем временем скользили по кирпичной кладке печи, подкрадывались к стулу у окна и вдруг настигли цель, которую преследовали. Свет, упавший на предмет, выявил нечто, что не было замечено вчера. Например, тонкую ткань то ли алого цвета, то ли цвета бордо. Но не суть важно. Молодая женщина открыла глаза и потянулась.

– Мне кажется, – произнесла она вслух, – я спала мертвецким сном.

– Так и есть, – как будто произнес кто-то, но комната была совершенно пуста, и женщина подумала, что ей померещилось.

Она взглянула на пушистую кошку у себя на коленях. Она знала – у кошки очень мягкая шерсть. Ей захотелось погладить животное, и она провела ладонью по нежной шерстке. Из-под ладони посыпались камни. По-моему, янтарь. Не успела разглядеть: камни раскатились по дощатому полу, вспыхивая в солнечных лучах.

В комнату вошел мужчина, который наемдни вернулся домой и обнаружил свою жену мертвой.

– Доброе утро, родная, – сказал как ни в чем не бывало он и поцеловал свою жену в губы. Она ответила на его поцелуй.

– Да ведь ты абсолютно здорова! – сказал мужчина и кос-

нулся ее мягких волос. Волосы под его прикосновением все собрались, даже те пряди, что выбились за минувшую ночь. А в руке у него остался красивый рубин.

– Как сильно я люблю тебя, – произносит мужчина и целует губы своей жены с жадностью, которой позавидуют самые жадные из жадных скряг.

– Мне почудилось, что кто-то говорит, когда я проснулась. – молодая женщина смотрела на мужа.

– Наверное, коробка, – махнул рукой куда-то в сторону тот.

Женщина согласно кивает и пытается взглядом проследить, куда махнул рукой ее муж. День только начался.

История этой коробки совсем туманна. Черт ее знает, откуда она взялась. Но прижилась, как родная.

Она дает всегда очень дельные советы. И говорит, только если ей, действительно, есть, что сказать – по существу.

Ничего особенного внешне из себя не представляя: из светлого дерева, крашенного чем-то, вроде охры, без витиеватой резьбы, эта коробка (20 на 30 см.), стоило ее, к примеру, открыть, начинала шептать.

Внутри у нее лежали: слева – какая-то бечевка, справа, в углу, перстень с огромным янтарем. Смотришь на этот янтарь – и глаз не можешь отвести. А тут коробка шепчет тебе что-то очень важное, что необходимо знать именно сейчас, именно теперь.

– А-а-а, вспомнила, – говорит женщина, держа в руках чу-

десную коробку, – она появилась у меня в день нашей свадьбы.

– Только отчего это она молчала, когда нам нужен был хороший совет? – мужчина сердито глядит на коробку. Коробка на глазах краснеет.

– Тшш, – приложила к губам указательный палец молодая женщина и с улыбкой убрала коробку обратно в стол.

История этой коробки совсем-совсем туманна. Она сейчас молчит. И пусть. Оставим ее пока.

Находка

Последний e-mail: "Я не знаю, что это. Найденный мною предмет. Это, несомненно, материальный объект, неоднородного белого цвета. Его твердая и вместе с тем мягкая рыхлая поверхность покрыта чем-то иссиня-черным. Иссиня-черное, по всей видимости, имеет отличную от белого природу. Иначе как объяснить тот факт, что оно проникает в белое, оставляя за собой неглубокий след.

Возможно, ты поможешь мне".

Игорь отправил сообщение своему другу и полетел в горы, где жили старые люди. Он хотел найти старейшего жителя в надежде, что тот поможет ему.

Когда намедни белый предмет впервые оказался в его пальцах, он вздрогнул. Быть может, потому, что давно ни к чему не прикасался руками. А может, найденный им предмет настолько поразил парня.

Когда Игорь прибыл в горы, выяснилось, что самый древний старик живет на самой вершине. Он нашел жилище старика и постучал в дверь его дома. Дверь отворилась. На пороге возник мужчина, тело которого было костями обтянутыми почти прозрачной кожей. И хоть кожа оставалась гладкой, как у юнца, но возраст старца был очевиден.

– Возможно, ты поможешь мне, – протянул Игорь свой

сверток.

Старик взглянул и отпрянул.

– Спрячь!

Какие-то доли секунды он словно раздумывал, как поступить с незванным гостем. Тем не менее, любопытство взяло верх над стариком, ведь в следующее мгновение он схватил парня за грудки и втащил в свою убогую лачугу. И откуда столько силы в дряхлом старикане.

– Но что это? – растеряно произнес Игорь.

– С6Н1005. Бумага, – пояснил старик, – она бесценна.

– Но ее же никто не видел! Я думал, это легенда.

– Не легенда, – ответил старик и отвернулся.

Игорь разглядывал загадочный предмет.

– А это что?

– Что что?

– Это черное, напоминает что-то.

– Чернила... Письмо, – после паузы пояснил старик, понимая, что слово "чернила" парню ни о чем не говорит.

– Что такое письмо?

– Это теперь руки – рудиментарный орган, и ты с детства учишь как буквы на клавиатуре расположены и учишься мыслями тексты набирать на экране, а раньше люди учили алфавит и умели держать ручку в руке и писать – выводить буквы на бумаге – создавать текст на бумаге, как вы сейчас создаете его в сети – сообщения, в общем.

– Красивое сообщение, – задумчиво произнес Игорь, с

еще большим интересом рассматривая лист бумаги в своих руках, – но на каком языке это сообщение – я не разберу ни одного символа.

– На том же, что и ты говоришь. Просто написано каллиграфическим почерком. Искусство такое – каллиграфия. В древности было. Когда-то люди умели писать.

– Каллиграфия, – повторил Игорь, – звучит красиво. Но почему оно не сохранилось? Почему не дошло до нас хотя бы в электронных источниках? Почему до нас дошли только отголоски существования бумаги, как носителя? Почему я не слышал о текстах на ней?

– Почему, почему, почему... Я не так долго живу, чтобы знать это. Люди весьма обленились с тех древних времен.

– А прочитать ты можешь? Что здесь написано? На бумаге чернилами?

– Это стихи, – сказал старик.

– Прочти мне их, – попросил Игорь, передавая лист бумаги старику.

– Я не могу прочесть. Я слишком стар. Могу лишь донести смысл этих слов. Это стихи о лесах и траве и реках. Это стихи о времени.

– Что такое леса и трава и реки? – переспросил Игорь.

– Леса и трава покрывали всю эту землю давным-давно. Они были сочно-зеленого цвета и вырабатывали кислород как вырабатывают его сегодня фабрики. И реки чистой воды текли по земле в своих русла. Как кровеносные сосуды

несут кровь всем органам твоего тела, так и реки несли воды в каждый уголок планеты. Их источники били высоко в горах из глубины и, казалось, были неиссякаемы.

– Как вода может бить нерегламентированное количество секунд? И ее никто не контролировал? Как такое возможно? – удивился Игорь и добавил. – Из странного времени пришел этот лист бумаги.

– Да, земля не всегда была суха. как пробка, – с грустью заметил старик и вздохнул.

– С6Н10О5... – пробормотал Игорь, – какая красивая формула. Бумага, чернила, каллиграфия, леса, реки... Наверное, в древности был потрясающе красивый мир. Даже красивее и совершеннее, чем теперь.

– Был, наверное. – пробубнил старик, – А теперь ответь мне на один вопрос. Где ты нашел этот листок? Я живу уже более двухсот лет, а никогда не слышал упоминания о реальной письменности – только легенды. как и ты.

– В доме своей тетки. В чердачном отсеке, – ответил Игорь.

– Слушай, парень. отнеси его туда, откуда взял, – доверительным тоном попросил старик, склонившись над Игорем, который сидел в ветхом кресле, – как бы беды от него не было. Этот листок – он ведь на вес сам знаешь чего.

Игорь поблагодарил старика за заботу. встал, попрощался и покинул скромное жилище. Он спустился с голой горы, на которой обитал старик, и направился домой. Путь был дол-

гий, а хотелось вернуться затемно. Вокруг парня были голые скалы и голая сухая земля, пустошь, а фантазия упорно рисовала Игорю зеленые леса, и травы, и реки – прямо на этих безжизненных холстах. "Что могло случиться такого, что не стало того зеленого рая, когда люди умели писать? – размышлял Игорь, – Кто виноват в этой непростительной потере?"

У неба нет потолка

Снежные расписные пушинки замерли в воздухе, повисли между небесным потолком и белым полем. Время остановилось, сделав один глубокий вздох. И ах...

Ночь в декабре, в снегу, в звездах. Ночь в лесу, где-то в мире, при странных обстоятельствах.

– У неба нет потолка, – рассуждает Блинчик, топая чистым полем и утопая в снегу.

У Блинчика нет внешнего вида, так как он живет в остановившемся времени, между до и после, хотя и не во время, поэтому его невозможно описать.

Он существует помимо условностей, не всегда и нигде, ступает мягкой лапой, окуная ее в снежный трепет декабрьской ночи. Погружает сердце в сон.

Это Блинчик. Приятно познакомиться. Всякий побывал в гостях у Блинчика.

– Ну, ты, конечно, странная баба, докучливая, – говорит Блинчик, – по-твоему выходит, ты шоколадная, и всякий должен тебя вылизывать. Так не бывает. И по-твоему не будет никогда. А потому я не могу вылечить твое больное сердце, оно больное по природе своей, по существу. Ты сама –

больное сердце.

Галина Петровна супится, обиженно хмурит брови, надувает губы. Галине Петровне за полтинник и она не маленькая девочка, тем не менее до сих пор любит привлекать к себе внимание, требует, чтобы окружающие делали все так, как ей того хочется, и часто капризничает по поводу того, что мир не таков, каким должен быть по ее мнению.

Поэтому Блинчик был прав в своей добродушной критике. Но Галочка все равно обиделась, попятилась назад, собирая свои старые заношенные и ненадеванные вещи (вдруг пригодятся) и ушла.

К Блинчику пришел мужчина. Он поведал:

– Я вижу сны. Мне видятся кошмары. Каждую ночь. Я тоскую по тем, кого нет. Умершие поселились болью в моих руках и ногах. Я никому не смею рассказать о тех страшных образах, что являются мне ночами, боясь, что меня сочтут сумасшедшим. И мучаюсь. И не могу пережить утраты. Это оглушающий вакуум даже не пустоты и не простого одиночества. Это существование внутри душевного страдания, вопреки реальности и помимо радостей жизни.

Блинчик задумчив. Он сыт и уверен в себе. Но не говорит. Мужчина чего-то ждет, нервно теребит мокрый носовой платок в темно-синюю клетку. Он опускает взгляд, сотрясается от рыданий, словно огромная грозовая туча.

Блинчик подкрадывается незаметно, неслышно, обрушивается на жертву внезапно и точно. Сила его удара такова,

что неошутима. Обнимает мягкими лапами, обвивая шею, прижимает к себе, согревает замерзающее сердце такого большого мужчины, бессильного и умирающего. Неожиданное тепло растворяется в крови и разносится кровью по всему телу. Мужчина оживает, рыдает, но уже очищаясь, а не страдая.

Что могло произойти в этом между до и после и даже не во время. Что делает Блинчик с людьми и миром. Блинчик делает его лучше и не всегда делает лучше людей. Однако, он делает так много своим мягкими теплыми лапами, невесомыми и массивными. Это Блинчик. Приятно познакомиться.

Без названия

Это существо могло бы оставаться вечно молодым. С упруго натянутой кожей, ничем не омраченным взглядом и стройным строением тела. Это существо обладает всеми внешними признаками человека, однако человекоподобным его не назовешь. Потому как человек стареет, сморщивается, высыхает, человек рождается и умирает, испытывает душевные и телесные страдания, человек бывает счастлив. А существо это нет. Поэтому оно могло бы оставаться вечно молодым. Тем не менее...

Вместо человеческих, таких понятных вам качеств это существо обладает рядом свойств. Так, например, оно легко сливается с местностью в прямом смысле этого слова, вместо чувств в ответ на любое внешнее воздействие покрывается ранками или цветами (в зависимости от характера влияния). Ранки никогда не зарубцовываются до конца и всегда кровоточат и иссушают тело его, отчего кожа сморщивается и кажется старой.

Сейчас это существо лежит на деревянном полу, истекая кровью. Но вот оно медленно сливается с полом, температура его тела падает, и тело становится теплым деревом, греющимся в солнечном свете. Оно нежится, и пол мигом покрывается цветами. А кровь поблескивает на солнце каплями вязкой тягучей смолы.

Я познакомился с ней в первый же день ее приезда в наш дом. Возвращаясь из института, я напоролся на раскрытую дверь квартиры 25 этажа. Лифт в тот день не работал, и мне пришлось подниматься к себе на 31 этаж по лестнице. В нашем высотном доме жильцы запираются на все возможные засовы. И тут вдруг эта дверь.

Пока я замешкался в своих размышлениях, из квартиры выскочила, едва не налетев на меня, моя соседка Катя.

– Привет! – улыбнулась она и промчалась мимо.

Я проводил ее взглядом и осторожно заглянул в раскрытую дверь. В квартире кто-то топал, что-то передвигал, шуршал чем-то. Я постучал.

– Войдите! – послышалось из глубины. Я проследовал на шум. В комнате с коробками, вещами и мебелью возилась девчонка. Она на миг подняла на меня взгляд.

– Слушаю, – сказала она и передвинула большую коробку.

– Здравствуйте, – промямлил я, мучительно подбирая слова, которые, как назло, разбегались в разные стороны от меня. Девчонка выпрямилась и смотрела на меня, явно ожидая продолжения.

– Просто у нас не принято оставлять двери открытыми. Опасно. Я думал, может, Вы не знаете, вот и зашел предупредить, – произнес я. Но новая жиличка смотрела на меня так, словно я и не говорил ничего.

– Моё имя Светлана, – явно потеряв терпение, цокнула девушка, – Заходи, если что.

– Стас, – сказал я и, помявшись еще несколько мучительных секунд в неловком молчании, ушел.

Со времени нашего знакомства мало что изменилось. Двери квартиры № 100 никогда не закрывались. Я и многие другие были завсегда там. Я узнал так же, что моя соседка с легкостью сама входила в любой дом, в любой кабинет, даже к президенту нашей страны. Она входила с гордо поднятой головой, вздернутым кверху носом, самодовольным видом и высокомерным взглядом. Для нее все двери были открыты. Так же, как ее собственные открыты всем.

При этом Светлана всегда оставалась простой, всегда была спокойной и доброжелательной. Нет ничего удивительного, что я влюбился. А с течением дней рядом с ней, я понял, что люблю ее.

А потом я заболел. Сначала организм боролся, а потом сдал позиции, и мои доктора объявили, что жизни мне осталось на полвзгляда, на полвздоха и на самую крупницу вкусовых ощущений. Даже последние свои дни мне предстояло провести в больнице.

Меня навещали родные, навещали друзья и подруги. Только Светлана не приходила ко мне. Хотя ее я больше всего и ждал. Хотел сказать, что люблю ее, хотел попрощаться и остаться жить вечно в ее сердце хотел тоже.

Когда гнев и отчаянье сменились смирением и желанием только ощутить, прочувствовать эти мгновения жизни со всей остротой и наслаждением, на пороге возникла Светла-

на.

– Извини, что не навещала раньше. Я не люблю больницы, – спокойно сказала она. А потом, не дав мне и рта раскрыть, рассказала мне всю свою историю.

– Я пришла неслучайно, – произнесла она, тепло улыбаясь и глядя мне в глаза, – Я хочу предложить тебе не бессмертие, нет. Но ты выздоровеешь и проживешь долгую, счастливую жизнь. Я хочу стать с тобой одним. Знаешь, как влюбленные стремятся слиться в одно. Только в буквальном смысле. Ты станешь со мной единым целым. При этом я обрету человеческие качества, а ты – выздоровление от всех бед и болезней.

– Но по твоим словам выходит, что ты в конце концов умрешь.

– Ты знаешь, как может утомить бесконечная жизнь? – усмехнулась она, – Дело за тобой. Решай.

– Я согласен, – сказал я.

Чем закончится и что от всех от них останется?

Чертиль представляет собой низенького, полного мужчину лет за пятьдесят. Из-за роста, возможно, он кажется круглым. И на ножках.

Этот взрывной колобок на ножках, шустрый, общительный, искусно орудует чертежными инструментами день и ночь. Он ненавидит, когда садятся на его стул, но стоически молчит – только глаза выдают его негодование. Не терпит он некомпетентности – тут уж Чертиль очертя голову бросается на противника, умело атакуя терминами, документами, стандартами и штампами. Он не щадит себя!

Обитает Чертиль в маленькой комнате, светлой и при этом заваленной специальной литературой, бумагой и другим необходимым скарбом.

Старухенция – это маленькая, крепенькая женщина, память которой уже не та, но чувство собственной значимости еще требует молодой крови. Которую она и потребляет. Стаканами.

Эта ядовитая бабёнка чрезвычайно активна. Дни напролет возит воду тележками через дорогу и выливает её в никуда. Бегает туда-сюда, внимательно наблюдает. Заприметив легкую добычу, хватает её в свои цепкие лапки, обескровливает и (не поверите!) бежит дальше. А не успев кого-то со-

жрать, стучит, словно дятел, по дереву. Просто стучит. Ради самого звука.

Среда обитания старухенции – тёмный, сырой склад пыльных коробок со всякими предметами. Только там она чувствует себя поистине королевой.

Вечный солдатик сидит у костра и, задумчивый, курит. Щурится, затягиваясь, задерживает дым в лёгких и выдыхает облако в ночное небо. Он думает, утром начнется бой. Не то остерегаясь, не то мечтая о нём. Но бой отложен на неопределенный срок. И вечный солдат сидит у костра, греет озябшие руки. Он даже не подозревает, люди разучились воевать и давно живут мирной жизнью. Вечный солдат привык слушать только приказы и слепо следовать им. Он всё ещё думает: это основной принцип выживания в бою. Вечный солдат забыл о мире вокруг.

Принцесса с длинными золотистыми волосами и ясными голубыми глазами живёт в опочивальне высокой башни. Вокруг летают самолеты, ракеты, неопознанные летающие объекты. А ей хоть бы что. Принцесса живет в опочивальне высокой башни.

Вокруг люди ходят по воскресеньям в супермаркеты, сидят дни и ночи в длинной сетке общего пользования, качаясь при полной луне и мечтая о счастливом завтра. А принцесса живет в опочивальне высокой башни. Она далека от этого. Её мир однобок, плосок, цветаст.

Господин мальчик страшный меломан. Он хрупок и деловит. С неизменной гарнитурой в ушах. Только музыка спасает его. Одна мелодия, случайно подслушанная, нарочно выбранная, целенаправленно найденная, размыкает стальной панцирь вокруг его сердца. Соблазн велик и силен – кажется, один легкий толчок, дуновение, взмах, и господин мальчик окажется мелкой частицей планктона людей – незначительной, грустной, унылой.

Господин мальчик находит дорожку. И дорожку эту прокручивает снова и снова, повторяет её, слушает, пока не затошнит. Если бы можно было затирать песню до дыр, то от неё ничего не оставалось бы.

Девочка с красными глазками не спит ночь, не спит день, не спит ночь. Не спит еще ночь, и еще день, и ещё. Она очень выносливая. Как мул.

Девочка с красными глазками сидит на стуле Чертиля, позволяет пить свою горячую кровь Старухенции, подбрасывает поленья в костер Вечного солдата, простаивает под единственным окном опочивальни Принцессы и носит на заливке Господина мальчика, чтобы не переутомился.

Девочка с красными глазками не спит. Ей некогда спать. Она устала. Она ждет. Она ищет.

Девочка с красными глазками будит – не добудится. Только то, что она не спит – ей снится.

Долгие путешествия

Глава первая

Происходит что-то невероятное. Горизонт на северо-западе приобретает пурпурно-красный оттенок, птицы замолкают, кузнечики неугомонно стрекочут в траве, рассекая внезапную звонкую тишину, ветер, казалось, на мгновение замер и вдруг, стремительный, пускается со всех ног куда-то на юго-восток. Вот-вот начнется гроза и польет дождь.

Солнце под занавеской насупленных туч медленно скрывается за горизонтом, и алые краски заката сменяют ночные летние сумерки.

От земли и разнотравья поднимается безумный опьяняющий аромат влаги, предчувствия нового рождения и минувшего летнего дня.

В этом мире бесконечное лето и бесконечные дни и ночи тепла. Тепла, как парное молоко. В него ныряешь и погружаешься, в нем хочется спать и невозможно заснуть.

И пока ты наслаждаешься запахом надвигающегося дождя, падает первая крупная капля, потом еще, в следующее мгновение с неба обрушивается поток, окатывает тебя с головы до ног. Ты мчишься, шлёпая по ручьям бегущей под ногами воды, скидываешь на крыльце свои шлепки и топа-

ешь, оставляя смешные мокрые следы босых ног, по дощатому полу. С твоих волос стекает дождевая вода, и футболка вся промокла насквозь. Стягиваешь с себя мокрую одежду, тянешься за полотенцем и вытираешься. Надевай скорее сухую майку и свои драные шорты. Я знаю, тебе нравятся вещи с историей.

В следующее мгновение тебе почудится, что кто-то окликнул тебя по имени – ты обернешься и, пребывая все в том же доме, очутишься в другом столетии.

Дом юн, доски еще не крашены и мыты с песком. На окнах выбитые занавески. У стен лавки, крытые домоткаными половиками. Деревянный стол, кральки на сметане и крынка холодного молока из сеней. Палати на полкомнаты. Старая русская печь. Дед с длинной бородой жует табак. Смотрит на тебя, улыбается и достает из кармана конфет, угощает. Ты берешь, потому что выбор у тебя невелик.

– Клопов вывели, оставайся, ночуй, – предлагает. Пожимаешь плечами. По улице бегают полураздетые, босые, чумазы дети с коровьими рогами вместо соски во рту.

Через час, судя по твоим наручным часам, возвращается с работы хозяйка дома, двадцатилетняя девушка, которая сама этот дом и строила. Эта молодая женщина шофёр. Она водит грузовик. Сейчас на западе страны война, и она станет в будущем тружеником тыла, а пока она возит груз для отправки на фронт, бывает, по бездорожью, бывает, в суровую зимнюю стужу и через глубокий снег. Её брат и отец погиб-

ли сразу, как попали на войну, а муж инвалид. Он попал в аварию и повредил ногу, врачи не стали спасать ногу и отрезали ее. Женщина, которая строила этот дом, раздумывала недолго и достала конспекты своего родного брата, который погиб вместе с отцом своим на войне в первые же дни. В сохраненных ею конспектах была изложена подробная инструкция создания фотографии. Так муж женщины, которая сама построила этот дом и водила автомобиль, стал фотографом с костылем.

Она входит, скидывает косынку с золотисто-русых волос, заплетенных и заколотых шпильками на затылке. Ей некогда и она не замечает твоего присутствия.

– Анна, стадо-то распустили сегодня, коровы в лес ушли, – говорит дед, жуящий табак.

Анна собирается, повязывает домашний платок, надевает резиновые сапоги и бежит за разбежавшимися коровами: пока найдет, пока приведет, накормит, подоит, вот и вечер уж. Надо скорей стол собирать.

Первыми за стол садятся мужчины. Потом женщины. У каждого своя ложка в кармане. У тебя ложки нет, поэтому ты будешь спать с голодным желудком. Не огорчайся – завтра тебя накормят подножным кормом.

Тебе не спится. Дед с длинной бородой сидит на веранде и попивает настойку. С лица его не сходит улыбка. Он никогда не унывает, делаешь ты справедливое заключение. Ночь тиха, у ног твоих посапывает большая лохматая песоч-

ного окраса собака. Звать ее Жулька. И рядом рыжий гладкошерстный Валет. День был жарким и после минувшего дождя, освежившего воздух и охладившего утомленную землю, вы сидите, наслаждаясь собственной способностью дышать. Небо выяснило – и миллионы звезд поглядывают со своей высоты на тебя и на деда Кирилла, жующего табак, с вечной горстью конфет в кармане. Согласись, не каждому в своей жизни удастся вот так запросто посидеть с прадедом на дощатом крыльце, выщербленном дождем и солнцем.

Ты не волнуешься и не беспокоишься ни о своей жизни, ни о учебе и работе, ни о том, как тебе возвращаться, ведь ты там, где и была, с одной стороны.

Дед Кирилл улыбается, вынимает табак и снова принимается жевать его. Ты смотришь на старика, вглядываешься в его морщины, в его седую бороду с темными прядями, на плешивую голову, потом смотришь на спящих собак и переводишь взгляд на темное, усыпанное звездами небо и на дорогу за невысоким пряслом, что тонет в ночи, зовет. И ты поднимаешься, не прощаясь, к чему сантименты, идешь по направлению к калитке. Дверца едва слышно скрипнула, и ты уже бежишь по дороге мимо спящего озера. И вот ты уже пропала из поля зрения старика. Старик встал, мгновение переминался с ноги на ногу, задумчиво глядя тебе вслед, кашлянул, сплюнул и вошел, наконец, в дом.

Ты бежишь мимо озера, по которому, чинно покачиваясь, плывут лебеди. Ноги твои как никогда легки и быстры. Ты

приближаешься к лесу, силуэт которого черен и неприветлив. Ты погружаешься в него, и он простирает к тебе свои объятия, как к старому приятелю. Вы, должно быть, знакомы давно. Дорогу ты помнишь и мчишься во тьме. Под ногами шуршат ежи, стремительно пересекая твою дорогу. Огромный заяц встал на задние лапы, прислушался и только лапы засверкали, как он улепетывал прочь. Какая-то большая птица вспорхнула с поваленного грозой дерева и, плавно взмахивая своими гигантскими крыльями, рассекая лесной воздух, полетела из лесной чащи на степь и дальше за горизонт.

Летняя ночь коротка, и небосклон на севере уже задевают солнечные лучи – солнце словно и не уходило спать, а лишь обходило дозором окрест. Ты выбегаешь на поле и оказываешься по пояс в пшенице, словно в море золота. Ты замираешь и зажмуриваешься от счастья, которое внезапно проникает в тебя. Первый солнечный луч настигает твое лицо. Открываешь глаза – солнце светит тебе прямо в лицо, играет в ресницах тысячами радуг, миллионами солнечных зайчиков. Павшая роса сверкает повсюду, на каждом остром листке, колоске и цветке. Небо розовеет, становится золотым и румяным. Где-то весело закукарекал первый красноголовый петух.

Ты оглядываешься и замечаешь вдали лесное озерцо и направляешься к нему. Берег его каменист. Туман поднимается вертикально от воды, студеной и совершенно прозрачной. Утро тенисто и завораживающе здесь, среди вековых дере-

вьев. Незнакомец стоит на берегу с чашкой дымящегося кофе в руках – запах кофе распространяется в воздухе. Мужчина молча смотрит на тебя, но во взгляде его нет недоумения. Он подносит чашку к губам и делает глоток. Ты ощущаешь вкус этого кофе. Тем временем мужчина разворачивается и идет по направлению к своему дому. Ты следуешь за ним.

Двухэтажный бревенчатый дом стоит недалеко, скрытый деревьями невеликой сосновой рощи. "Словно перевернутая страница", – ловишь себя на мысли ты. Но мужчина подходит к дому, отворяет чуть скрипнувшую дверь и входит внутрь. Утренний свет наполняет весь дом, словно он из стекла, и даже туман бродит по комнатам.

Незнакомец ставит чашку на кухонный стол и поднимается по лестнице на чердак. Стучит в дверь, с минуту никто не открывает ему, но вот дверь приотворяется и в дверном проеме возникает белокурая девушка. Ее длинные волнистые волосы не прибраны и она от макушки до пят опутана черными проводами от наушников – создается впечатление, что барышня танцевала всю ночь напролет – так, что сложно было понять, где начинаются провода и где заканчивается она сама.

– Алиса, поздоровайся, – предлагает мужчина, указывая на тебя. Тебе странно и немного не по себе, точно ты видишь сон. Девушка тем временем стягивает наушники, ловко высвобождается из проводов и с улыбкой протягивает тебе ру-

ку для пожатия.

– Дождь пошел, – констатирует мужчина, задумчиво глядя в огромное окно на южной стороне дома, – Алиса, переоденься и идем завтракать. Возможно, Вы голодны? – обращается он к тебе. Ты не отказываешься – со вчерашнего дня во рту ни крошки. И вы спускаетесь вниз, чтобы приготовить завтрак.

Пока закипает то и дело посвистывающий чайник, на кухне появляется Алиса. Она лениво наливает в округлую кружку кофе, кладет туда две чайных ложки сахара, мешает, разбавляет топленым в печи молоком. Берет щедро посыпанную маком булочку, откусывает, набивая полный рот, с аппетитом жует, с жадностью пьет свой кофе.

– Я хотела бы быть семнадцатилетней девчонкой: с бесконечными желаниями и безграничной свободой... от них, – говорит между прожевываниями пицци Алиса, искоса поглядывая на тебя.

– И сколько же тебе лет сейчас? – интересуешься ты.

– Семнадцать, – улыбается девушка, поднимается из-за стола и, оставляя за собой след из крошек и маковых зернышек, уходит с кружкой к себе.

– Не обращайте внимание, Алиса довольно независимая девушка, она бунтарка и добрейшей души человек – отпускает комментарий мужчина. И ты не обращаешь внимания, пьешь свой чай, ешь и смотришь на густой нескончаемый дождь, что барабанит по стеклам и по вымощенной камнем

дорожке вокруг дома.

Тебе пора идти. Берешь любезно предложенные тебе зонт и резиновые сапоги и выходишь под ливень. Раскрыв зонт, смело шагаешь по лужам. Дождь вымыл землю, обнажив гальку, камни и песок. Тебе тепло и весело. Весело гулять по лужам. Небо светлеет, и тучи уносит ветер. Солнце учиняет радугу. Все вокруг стоит в воде мокрое-мокрое, обласканное солнцем.

Глава вторая

Реинкарнация. Мы проживаем все эти жизни, снова и снова переживаем первые свидания, первые поцелуи, первую близость, снова и снова наступаем на одни и те же грабли. С упоением, как будто в первый раз. И ведь каждый раз для нас в новинку. Это ли не счастье?

Только не открывай глаза. Только не открывай. Когда бы ты не открыла глаза – всю дорогу лето. Тебе это уже порядком поднадоело.

Ты не спишь, но тебе снится зима. Ты чувствуешь – за окном идет снег. Время, наверное, десять: солнце недавно встало, и в доме истоплена печь. Стекла занесло морозными узорами, и свет в комнату проникает преображенный – волшебный, зимний свет.

Ты открываешь глаза – за окнами лето. Поют птицы, зелень вокруг, цвета такие яркие и краски – насыщенные.

Встаешь и в трусах и майке выходишь на широкое, выщербленное дождями, солнцем и ветром, деревянное крыльцо. Потягиваешься. Ступаешь на нижнюю ступеньку и на траву, что стелется нескончаемым ковром.

Ты помнишь, как в наглухо закрытую квартиру, в которой ты жила, однажды влетела бабочка. Ты заметила ее в ванной, она порхала, билась своими хрупкими крыльями о слуховое окно. Поймав бабочку, ты вышла на замученный всяким старым хламом балкон, раскрыла настежь окно и попыталась выпустить бабочку на свободу. Только та не торопилась улетать. Она расправила крылья и принялась греть их на солнце. Был август, и ветер дул неприветлив и холоден. Возможно, ей и не хотелось улетать. Зачем? Чтобы замерзнуть, когда наступят холода? Бабочка вспорхнула с раскрытой ладони в божественный августовский день. Ведь воля дороже сладкого плена.

Вот и сейчас в воздухе порхают десятки бабочек. Ты ходишь по мягкой, щекочущей пятки, траве. Голым ступням нестерпимо приятно.

Совсем недавно ты полюбила дождь. В любом его виде: будь то мелкие, словно распыленные в воздухе, капли, или ливень, когда за мгновение повсюду бегут уже веселые ручьи, собирая океаны луж. Ты надеваешь резиновые сапоги, берешь свой яркий зонт и выходишь гулять по намытой до блестящей гальки дороге.

Любишь его потому ли, что он мокрый или чистый или от-

того, что прохожие становятся редки и грустны, с повешанными носами. А может быть дождливая погода тебе о чем-то напоминает. О твоём детстве, должно быть – ведь ты родилась осенью. И хоть в твой день рождение непременно светит солнце, но уж за день-то до него всегда льет нескончаемый дождь.

Глава третья

Когда-то давным-давно был ноябрь. Темнело рано, а каток был еще не завершен.

Ты натягиваешь узкие коньки и скорее спешишь встать на лед. Так славно! Так славно! Так весело и задорно! Восторг распирает тебя изнутри.

Наточенные лезвия рассекают лед, оставляя след из резных загогулин. Ладонки в нагретых печкой перчатках, нос покраснелся. И щеки!

Совсем уж, кажется, ночь на дворе. Неохота, но пора домой. И ты, неуклюже ковыляя на уставших ногах, возвращаешься в дом. Остается-то три шага шагнуть до калитки.

И вдруг откуда ни возьмись огромный заяц-беляк. Тут как тут!

И ярко-изумрудный снег ни с того ни с сего внезапно закружился в воздухе.

– Ты уже сменил свою шубку? – подмигиваешь ты зайцу, а

он самодовольно задергал ушами и закрутился перед тобой.

Что тут происходит! Дорога вмиг превращается в гладкий лед. Заяц-беляк манит тебя лапкой и на расписных коньках мчится наутек по ледяной дороге. Что стоишь?

После своих длительных путешествий, мучительных раздумий и размышлений в один прекрасный осенний день ты приходишь к выводу, что у тебя совсем нет причин для печали. И ты принимаешь решение, что завтра утром встанешь счастливым человеком, всем довольным, ни о чем не жалеющим, никуда не спешащим и никогда неунывающим.

Мне, как и многим, не понятен твой оптимизм, твое не тронутое глубокой печалью лицо, но в душе я отчаянно завижусь тебе.

И пока все вокруг думают, что ты все больше погружаешься в себя, ты в который раз пропадаешь где-то. А я не знаю, где найду тебя вновь.

Страшные сказки

Нежданный незванный гость

Довелось мне попасть на север в составе экспедиции. Как раз наступала зима. Случилось так, что однажды ночью ударил сильный мороз и нас застигла страшная метель. Повезло остановиться в небольшом поселении эскимосов. Нас пригласили в иглу – зимнее жилище эскимосов. И там мы пережидали непогоду. Вдруг снаружи послышался страшный треск, и эскимосы принялись стучать – кто по чему придется. Я подумал: диким зверям не страшна пурга – вышли на охоту на несчастных путников. Наутро выюга улеглась и экспедиция продолжила свое путешествие.

Одного из эскимосов попросили нас сопроводить. Молодой парнишка эскимос оказался рядом со мной и между нами завязался разговор. Слово за слово дошло до местных баек. И парнишка поведал мне, что ночью так напугал меня никто иной как Тыкывак – хозяин морозов. Он насылает стужу и пургу. А треск слышится, когда он падает лицом на землю, и земля покрывается трещинами. И если не постучать в ответ обо что-нибудь, то Тыкывак обидится и заплачет. Никто не рискует обижать Тыкывака – люди боятся и всякий раз отвечают на треск стуком.

Я вспомнил тут же одну историю. Мне кто-то рассказывал, что деньги местные не ценят совсем, за то с радостью обменивают добытые ими промысловые ценности на товары с материка. Но на одной станции выискался один сильно умный, который запретил своим сотрудникам помогать эскимосам с обменом, в частности запретил обмениваться с ними на масло. Тем же вечером этого умника эскимосы загрузили на сани и увезли за много километров в снежную мглу. И оставили его там на морозе подумать. За короткое время этот гражданин, который хотел установить новые правила, передумал вмешиваться в установленный за долгие годы порядок. Идти ему среди ночи было некуда да и бессмысленно – оставалось надеяться, что за ним все же вернуться. Словом, когда за ним приехали, он кардинально поменял взгляд на многие вещи в жизни.

Как он потом сам рассказывал, не знаю, правда то или вымысел его или вовсе померещилось со страху: пока он ждал, увидел, как забрезжил вдали огонек. Не то мерещится, не то за мною едут, – подумал горемыка. Но огонь не приближался, а все так же маячил вдалеке. Мужчина отправился за ним. Шел он шел и пришел к яранге – переносному жилищу местных народов из шкур убитых животных. В яранге качался фонарь и горел очаг. Мужчина вошел внутрь. Там сидел древний старик.

– Холодно тебе, путник? – спросил с усмешкой старик на своем диалекте, – Ну пройди, погрейся.

Мужчина как мог поприветствовал старика и подошел к очагу. Старик поглядывал искоса на гостя и заговорил с ним:

– Ты обижаешь здешних жителей – не тебе менять сложившиеся устои.

Мужчина зло глянул на старика, кинулся было на него с кулаками, как старика и яранги след простыл. Мороз же так сковал его руки и ноги, что он повалился без чувств. Когда этого мужчину нашли, то кое-как привели в чувство.

Я и думаю теперь, уж не Тыкывак ли то был. Вот он какой, хозяин морозов, покровитель северных народов и земель.

Ламия

Поздним вечером Виктор возвращался с работы. Он подошел к подъезду и остановился, открыл портфель и рылся в нем добрые пару минут. С трудом отыскав в ворохе бумаг ключи, он направился к входной двери. Внезапно его окликнул знакомый голос:

– Виктор! Вечер добрый! – сосед с третьего этажа Алексей гулял с собакой и тоже возвращался домой, – работаешь допоздна, жена-то не ревнует?

– А! Привет, сосед, – устало ухмыльнулся шутке Виктор, – куда деваться.

– К нам сегодня заехала новая соседка, – загадочно произнес, понизив тон, Алексей, – такая... – многозначительно добавил он, выпучив и закатив глаза. Виктор вежливо улыбнулся и вошел в дом. Мужчины направились к лифту.

– Еще утром подъехал грузовик и здоровые мужики занесли ей коробки и мебель в квартиру на верхний этаж, – продолжил свой рассказ Алексей в лифте. По всему видно, он никак не мог остановиться и уйти, не поделившись всеми подробностями с соседом, – а потом она появилась, тоже вносила вещи в дом. Я подумал, зачем такой красотке грузчики, ей бы полдома бесплатно все внесли и ремонт бы сделали.

Мужчины посмеялись, лифт остановился на третьем и

Алексей вышел, пожелав Виктору доброй ночи.

Виктор, задумчивый, поднялся на свой этаж и неторопливо вошел в квартиру, разулся. Диана, жена, разогрела и поставила перед ним суп, а сама ушла в комнату. Виктор остался один. Думать ему не хотелось. Мысли сонно копошились в голове, всплывала то одна, то другая, совсем не связанные друг с другом мысли. Виктор поел, заварил себе крепкий чай, принял душ и, переодевшись в пижаму, с любимой чашкой чая завалился на диван рядом с супругой.

Так они скоротали недолгий вечер.

– Ты бы проверил балкон, что-то весь день сегодня дует, я смотрела и ничего не нашла, – пожаловалась Диана.

– Поздно уже, давай завтра, – поморщился Виктор, но взгляд жены настаивал на своем.

Виктор нехотя поплелся на холодный балкон. Все осмотрев, он ничего не обнаружил, и, списав все на северный ветер, уж было направился спать, во всем доме уже погас свет, и только от нескольких окон падал свет во двор. Виктор открыл створку балконного окна и выглянул. И правда, на верхнем этаже тоже не спали, как раз в той самой квартире, в которую заехала новая соседка. Наверное, распаковывает вещи, подумал Виктор и отправился спать.

Утром дом ожил, зашумели двери и ключи в замочных скважинах, кто-то закашлял, кто-то зацокал каблуками по бетонным ступенькам, где-то заплакал, закапризничал ребенок, не желая идти в детский сад. Ритуал, повторяющийся

изо дня в день.

Вдруг утреннюю привычную суету нарушил женский вопль. Виктор и Диана выскочили на площадку. По лестнице уже поднимался бегом Алексей, с которым Виктор ехал наемни в лифте.

– У Дементьевых пропал ребенок, – быстро сообщил новость сосед с третьего и промчался мимо. Супруги переглянулись и решили, что Диана останется с детьми, а Виктор сходит, узнает, в чем там дело.

Двери в квартиру Дементьевых были открыты, уже толпой стояли обеспокоенные соседи и кто-то звонил в полицию. Матери пропавшего из собственной кровати ребенка совали нашатырь, на ней лица не было, совершенно обезумевшими глазами она смотрела вокруг и ничего не понимала. Муж звонил по телефону.

– Из собственной кровати ночью, ужас, что делается, – шепотом переговаривались люди, – найдут по горячим следам.

– Они подумали, что играет, спрятался, но всю квартиру обшарили, все замки проверили – нет нигде. Куда мог пропасть из запертой квартиры ребенок? – в ужасе говорили соседи.

Скоро прибыла полиция и попросили всех выйти. Виктор вернулся домой, вкратце пересказал все жене и отправился на работу. Действительно, очень странная история.

Прошло время, а ребенка так и нашли. Замки на дверях и

оконные проемы проверили на предмет отпечатков пальцев и взлома, но ничего не обнаружили. Родителей заподозрили в криминале. Но и эта версия не дала результатов. Шло время.

Скоро из соседнего дома тоже пропал ребенок. Также среди ночи из запертой изнутри квартиры. Родители перестали отпускать детей гулять, а некоторые перенесли детские кроватки к себе в спальню. Все стали подозрительны и угрюмы. Отцы, включая самого Виктора, совершали ночные обходы окрестностей, осматривали каждый уголок дворов и подъездов. Как показалось жителям района, патрулирование дало результат, и все успокоились.

Действительно, исчезновения прекратились, и, хоть пропавшие дети так и числились в розыске, Виктор уже несколько ночей спал в своей постели и, выспавшись, шел утром на работу, почитая за счастье спокойную, бессобытийную рутину дней.

Однажды в выходной день Виктор вышел по просьбе жены вынести мусор и столкнулся в подъезде с хрупкой девушкой. Она, видно, не заметила его, засмотрелась на что-то и натолкнулась на Виктора. Она как будто испугалась и смущенно извинилась. Румянец залил ее светлую кожу. Виктор ответил:

– Ничего страшного.

– Да что Вы. Я такая невнимательная. Совсем недавно тут

живу, – ответила русая девушка, очень красивая, к слову.

– А Вы, наверное, новая соседка с верхнего этажа, – предположил Виктор. Девушка вопросительно на него взглянула.

– Мне Алексей с третьего рассказывал, что к нам новые соседи заехали, давно, кстати, его не видел, – проговорил Виктор в ответ на ее взгляд.

– Что же, меня зовут Ламия, – протянула девушка свою хрупкую, до невозможности хрупкую руку и приветливо улыбнулась.

– Очень приятно, Ламия. Меня зовут Виктор. Какое необычное у тебя имя, – ответил легким рукопожатием мужчина.

– Да, наверное, – улыбнулась вновь девушка и, попрощавшись, нырнула в дом.

С тех пор Виктор потерял покой. Каждую ночь он выходил на балкон перед сном и видел, как во всем доме гаснет свет, только свет от окон с верхнего этажа никогда не гас.

Однажды Виктору не спалось и он поднялся из постели в четыре утра. Он пошел на кухню, заварил себе любимый чай. Пока чай заваривался, Виктор накинул куртку и пошел во двор, как будто какая-то сила звала его. Он вышел на свежий воздух и, оглянувшись на дом, обнаружил, что свет в окнах тринадцатого этажа также горит. "Ну, очень странно", – подумал Виктор и спустя несколько мгновений уже поднимался на верхний этаж. Он вышел из лифта и позвонил в квартиру новой жилички. Она тут же открыла. Все также пора-

жая своей красотой, девушка вежливо пригласила Виктора войти. С тех пор мужчину никто не видел. Он пополнил внушительный список бесследно пропавших.

Диана встала утром, нашла нетронутый чай и незапертую дверь. Она метнулась к детской проверить детей, но дети были в порядке. Она было вздохнула с облегчением – камень свалился с ее души. Диана еще не догадывалась, что потеряла минувшей ночью мужа.

Ламия вежливо пригласила мужчину войти, она предложила снять куртку, взяла, чтобы повесить ее на вешалку. Но тут Виктор увидел, что вместо ног у девушки гигантский змеиный хвост, но пока он в ужасе собирал мысли в кучу, Ламия уже впилась в его горло и с жадностью пила его кровь. Вдоволь наевшись, Ламия сложила останки Виктора в большой пластиковый пакет и бросила в холодильник, где уже покоились останки несчастных, съеденных ею любопытных детей. Девушка смыла кровь с лица своего, рук и прелестного тела, вынула глаза из глазниц и, наконец, выключив свет в необжитой квартире, смогла уснуть.

Ей каждую ночь снится один и тот же сон. Как грозный отец Посейдон не давал благословения на связь ее с богом грома и молнии Зевсом, но она, непослушная, неразумная дочь, нарушила запрет отца. От союза ее с Зевсом родились дети. Но Гера, прознав об этом союзе, убила детей Ламии, превратила ее в ужасную змею и лишила сна. Ламия, убитая горем, изможденная бессонными ночами, взрастила в себе

ярость и боль и стала поедать чужих детей. Зевс узнал о горе Ламии, но единственное, чем он смог помочь возлюбленной – это способность вынимать глаза из глазниц, чтобы поспать. И Ламия живет свою вечную жизнь, ест детей, принимает обличье красивой женщины, соблазняет мужчин и пьет их кровь. Пока Ламия спит, она безвредна и уязвима. Но кто разгадает её секрет?

Маменька

– Собирайтесь, детушки, в путь-дорогу. Ваша маменька пропала, – поторапливал папенька пятерых своих детей, один одного меньше.

В ночь глухую подымал он их из уютных кроваток. Младшие, Ванек с Машенькой, куксились, потирали до красна глазки, капризничали. Да и старшим, Степке, Владиду и Аннушке, не больно-то хотелось просыпаться.

– Куда могла деться маменька? – удивлялись дети, – плантации кругом, ни озерца, ни лесочка. Темнота, хоть глаз выколи. Неужто папенька сам не может дозваться маменьку? Зажги фонарь – и всякая тварь тут же примчится на свет в такую ночь.

Но за рассуждениями все равно собирались в дорогу.

Папенька вывел их на крыльцо, зажег фонари. Дети взялись за ручки и пошли по дороге меж ровных рядов кукурузы прямо по направлению к городу.

Долго ли коротко, дружная компания разделилась по парам: младшие убежали вперед, средние, Владик и Аннушка, шли быстрым шагом, а старший Степан не спеша плелся с отцом позади, высоко над головой подымая фонарь и внимательно оглядывая окрест. По мере приближения к окраине их владений отец заметно нервничал.

– Эта маменька нравится мне меньше предыдущих, – признался Ванек Машеньке. Он что-то уже жевал: то ли из дома захватил кусок поди пойми чего, то ли с земли уж успел поднять какую-то гадость.

– Не глупи. Чем она хуже? Такая же, как и все маменьки, – пожала плечами Машенька. Она была старше на два года Вани, помнила трех маменек, включая свою родную, а потому, конечно, считала себя значительно более сведущей в этом вопросе, – что ты понимаешь, ты и свою-то маменьку с трудом помнишь, так что тебе сравнивать-то не с чем.

Тем временем Владик и Аннушка тоже разговаривали в полголоса:

– Вечером папенька, как всегда, пригласил нас пожелать ей спокойной ночи. Маменька была все так же тиха и неподвижна. Куда она могла уйти в ночь? Ей ведь с нами так хорошо, – рассуждал Влад.

– И то правда. Ни одна маменька еще не убегала от нас, – согласилась Аннушка.

Вдруг где-то далеко впереди Ванек с Машенькой в голос закричали:

– Маменька! Маменька!

Вся семья тут же пустилась бегом на их крики. Степан поднял фонарь, освещая направление, в котором раздался крик, и увидел, как волна пробежала по кукурузному полю и погасла совсем у высокой железной ограды. К ужасу свое-

му они обнаружили, что достигли границы плантаций. Младшие визжали, прыгали и тыкали пальцем в поле. Отец ринулся в том направлении, куда указывали малыши, он повел носом, чую столь знакомый запах, светил и светил вокруг, обошел всю границу, но не нашел жену. Нашел он только яму, что подрыла какая-то животина под прочный забор. Заскрежетав зубами, он повернул назад, уводя с собою детей.

В это самое время молодая женщина бежала, что есть мочи, через поле к городским огням. Вся жизнь пронеслась у нее перед глазами, пока она уносила ноги от своего муженька. С ужасом она вспоминала, как повстречала, словно бы случайно, богатого землевладельца и плантатора. Как благороден и добр он был. Вскружил ей голову дорогими подарками и скоро предложил руки свою и сердце. А она, глупая, согласилась, ослепленная девичьими мечтами и желаниями. Тайком от родителей и друзей выскочила замуж и сбежала с плантатором – только след простыл ее.

Долгой дорогой вез он ее в свои владения. Наконец, минув высокую ограду, он с гордостью обвел рукой свои владения, показывая их просторы молодой жене, обещая счастливую жизнь. Каким счастьем преисполнилась она, каким благоговением к своему супругу.

Только по прибытии в дом выяснилось, что у мужа пятеро детей, и живут они весьма затворной жизнью. Дети, правда, оказались на удивление милыми и спокойными, и даже то обстоятельство, что муженек частенько пропадал на рабо-

те, не омрачало первых дней супружества. Алена, так звали молодую жену, нашла огромный гардероб и горы украшений. Она не уставала восхищаться женщиной, которая нарожала ее мужу пятерых прекрасных детей. Однажды она даже вслух высказала свое восхищение в присутствии Владика и Аннушки. Дети переглянулись. Алена это заметила.

– Что такое, детки? Вас огорчают воспоминания о вашей мамушке? – искренне сочувствуя, обратилась Алена к ним.

– Ничуть, – был ответ. Аннушка невозмутимо пожала плечами, – маменьки долго не задерживаются.

– Не поняла, – вопросительно уставилась Алена на детей, какие еще маменьки?

И Аннушка поведала ей историю о всех маменьках, что были здесь до нее. Точнее о маменьке Владика, маменьке Машеньки и маменьки Ванюши, так как свою она помнила с трудом. Все новые маменьки приезжали, рожали папеньке ребенка, выкармливали его. А потом маменька становилась излишне капризной, но папенька исправлял это. И маменьки вдруг переставали выходить из комнаты, становились тихи и спокойны. Дети видели их только с разрешения папеньки, когда он приглашал детей пожелать их новой маменьке доброго утра или спокойной ночи. Маменьки, как правило совсем не отвечали, в лучшем случае кивали едва-едва головой. А когда запах от маменек становился уж совсем нестерпим, папенька уезжал за новой – как детям без маменьки.

И тут Алена вспомнила, что за минувшие месяцы ни разу

не покидала поместья. Едва скрывая дрожь во всем теле, она выразила желание пройтись.

– Но папенька не разрешает гулять в поле, – с недоумением воспротивился желанию новой маменьки Владик.

– Вот уж глупости, детки, – сказала Алена, – если вы ему не скажете, то мы можем пойти поиграть с вами в прятки. Дети переглянулись и согласились идти играть.

В кукурузе Алена с трудом выбрала направление и пустилась наутек. Она бежала и бежала, дыхание ее сбилось, но наконец она достигла ворот. Ворота оказались заперты. Супруг закрывал их, всякий раз покидая поместье. Тогда Алена пошла вдоль ограды в поисках лазейки. И тут наткнулась на разрытую яму, которая, видно, уходила под землю и наружу. Алена опустилась на колени и принялась копать, увеличивая пространство под стальными прутьями, чтобы она смогла пролезть. Но стало вечереть, скоро должен был вернуться ее муж. И Алена вернулась в дом, где ее поджидали уж дети.

– Где ты была, маменька? – спросил Ванек.

– Мы искали тебя повсюду, – кивнула Машенька.

– Детки, я заблудилась, но пора накрывать к ужину, – предложила Алена, и дети с легкостью согласились с ней.

И тут Алена заметила, что колени у нее в земле, она поспешила вымыть их и застирать запачканный подол платья. Затем невозмутимо она накрыла на стол. Совсем скоро прибыл супруг. Она, как всегда, расцеловала его и пригласила

отужинать. Но за ужином Владик проговорился:

– Мы сегодня играли с маменькой в прятки, – похвастался он отцу, – на кукурузном поле.

Как изменился в лице разлюбезный муженек, с трудом сдерживаясь, он в молчании окончил трапезу и отправился в опочивальню.

– Я запрещаю тебе и детям покидать дом, – строго сказал он Алене.

– Но детям полезен свежий воздух, – нашла в себе смелость возразить мужу Алена.

– Покидать дом нельзя, – твердо сказал на это супруг и лег в постель, хмурый и задумчивый.

Пришлось Алене подчиниться и впредь не выходить с детьми в поле. Но супруг ее уже задумал исполнить свою злую волю, не дожидаясь, когда она принесет потомство. И в один прекрасный осенний вечер перед сбором урожая он признался жене:

– Вот уже много лет я привожу сюда себе жен, но ни одна не может стать хорошей матерью моим детям. В итоге из-за их непокорности они обрекают себя на страдания. Но я не могу позволить никому заставлять страдать своих детей, плоть и кровь мою. И вот, замучив их до смерти, из каждой я делаю чучело, и каждая становится смиренной и послушной, какой и должна быть мать моих детей. И пока они каждое утро и каждый вечер ходят желать своей успокоившейся маменьке доброго утра и доброй ночи, у меня есть время найти

им новую маменьку. И вот я нашел тебя. Но и ты оказалась неблагодарной. Хочешь сбежать от меня?! Бросить детей?! Не бывать этому!

С этими словами муж набросился на свою молодую жену и принялся душить ее. Алена поняла, что только хитростью она сможет спастись. Она закрыла глаза и задержала дыхание. Даже сердце замерло в ее груди, словно застыло в смертельном ужасе. Отец пяти детей подумал, что жена мертва и отпустил ее горло. Он уложил ее тело в постель и пригласил детей пожелать их маменьке спокойной ночи. А после долго сидел в гостиной и курил.

В это время Алена уже бежала, собирая последние силы, к заветной лазейке на границе кукурузных плантаций. Наконец, она добежала до ворот, проследовала вдоль ограды и нашла свой незавершенный подкоп. Женщина стала рыть землю, задыхаясь от усталости и отчаянья. И вот, когда она была близка к цели и оставалось лишь нырнуть навстречу свободе, за ее спиной послышался шелест и хруст. Алена замерла, прислушалась. Чьи-то шаги приближались. Из кукурузных зарослей внезапно возникли два круглых личика, освещенных светом старого фонаря, который они держали в руках. Ванек и Машенька увидели Алелу и закричали:

– Маменька! Маменька!

Они бросились назад к отцу, чтобы привести его к маменьке, но когда он подоспел, Алелу уже была по ту сторону, забросала лазейку пожухлой листвой и бежала прочь.

События минувшей осени

Я очнулась в доме старухи. Все окна были закрыты, а двери опасны таящимся за ними нечто. Она меня съест. Эта старуха. Она ведьма. Или тут дело в другом?

Они транспортировали девочку. Белокурую девочку лет двенадцати. Целая команда отборных бойцов была эскортом для белокурой девочки с невинными голубыми глазами.

Я не могу выбраться – она вот-вот доберется до меня. Я метнулась к большому окну с двойными рамами на шпингалетах. Первую раму я вырвала целиком, аккуратно опустила на пол. Со второй пришлось повозиться, но створки ее в конце концов открылись, и я прыгнула в ночь.

Девочка пропала у них из-под носа. Исчезла, словно растворилась в этой ночи. Когда спохватились, времени на суматоху не оказалось – на них напала ничем не экипированная группа молодых людей. Удалось разглядеть лишь одну из нападавших – это темноволосая девушка, коротко остриженная и совершенно не по погоде одетая: в белый топ и белую короткую юбку. Её убили, свернув напрочь ей шею, останки сложили в большой эмалированный таз так, что сломанная левая нога торчала из него как нелепый флагшток. Остальные нападавшие, нанеся немалый урон, скрылись в потемках.

Я долго бежала впотьмах. Наконец, на горизонте забрез-

жил рассвет. Трава под ногами осенняя, пожухлая, покрыта не то росой, не то инеем. Не разбирая дороги, бегу через степь. Продираюсь сквозь цепкие ветки в лесу. Не чую ног под собой.

Когда я добираюсь до места минувшего побоища, вижу едва-едва дымящиеся угли костра, чувствую запах недавнего присутствия, запах крови. Понимаю, что свои потери отряд забрал с собой и спешно покинул место ночлега. Озадаченно цокаю языком, оглядываюсь по сторонам. Тело в эмалированном тазу оставили. Зачем? Пока я задаюсь этим вопросом, нога, торчавшая из таза внезапно дернулась. Тело выбралось из таза, темноволосая голова кое-как встала на место. Девушка принялась что-то искать, не обращая на меня внимания. Потом она направилась к полотну железной дороги, что проходило недалеко и пошла по шпалам на восток. Мне ничего не оставалось, как последовать за ней.

Женщина с темно-каштановыми волосами продиралась сквозь заросли кустарника в лесу. Она вела за собой белокурую девочку с очень спокойным взглядом голубых, как горное озеро, глаз.

Девушка с темными коротко стриженными волосами привела меня на станцию, вошла в город и проследовала напрямиком к какому-то двухэтажному зданию, в окнах которого горел свет. Она вошла внутрь. Там было полно народа, они не то праздновали что-то, не то чего-то с нетерпением ждали. Стоял невероятный галдеж. Девушка с легкостью зате-

рялась в толпе, чувствуя себя, явно, в своей тарелке.

Рука девочки выскользнула из руки женщины. Мимо про-
шмыгнуло нечто бесшумное и длинное. Женщина едва успе-
ла поймать себя на мысли: "Змея". Змея стремительно ми-
новала густые заросли ивняка, плавно лавируя по мягкой
прелой листве, и, когда женщина выбралась на опушку, там
ее уже поджидала белокурая девочка с невинными голубыми
глазами. Женщина взглянула на нее, покачала головой, взя-
ла девочку за руку и продолжила свой путь – на горизонте
виднелся город, и солнце вот-вот взойдет.

Шум вдруг утих. Все присутствующие замерли. Они че-
го-то ждут. Девушка со свернутой намедни шеей сидит ва-
ляжно в кресле. Я затаилась в толпе. К стоящей в центре за-
ла фигуре, напоминающей очертаниями незавершенную пи-
рамиду, приблизился микроскопический светящийся объ-
ект. Я разочарованно зевнула. Очень хотелось спать.

Но чуть объект коснулся пирамиды, та ожила. Пирами-
да молниеносно трансформировалась в огромный летающий
корабль.

Женщина с темно-каштановыми волосами сидела на пер-
роне вокзала. "Теперь понятно, зачем ты им всем так необ-
ходима. – думала она, глядя на девочку, – Они ждут, что я
приведу тебя, но нет, ты мне самой пригодишься".

В толпе я заприметила сначала одного, затем другого бой-
ца из отряда сопровождения девочки. Казалось, они были

готовы перейти в нападение, но что-то пошло не так, и они в недоумении переглядывались. Один кивал второму, а второй качал головой и разводил руками. Корабль тем временем открылся, и люди (или что-то в этом роде) принялись заходить внутрь.

Однако, в этот самый момент в зале поднялся страшный шум – эти странные создания вдруг взвыли. Огромная змея пожирала их одного за другим. Вся эта чертовщина длилась не более пяти минут, а потом все стихло, зал опустел, и только маленькая девочка с невинными голубыми глазами стояла в центре и хлопала своими пушистыми ресничками.

Старуху оставили в живых. Она хорошо заботилась о девочке все это время, конечно, потому что боялась. Но самое главное на случай, если связь с чужаками возникнет снова, мы будем знать и мы будем готовы.

Женщину с темно-каштановыми волосами так и не нашли. Думаю, она допустила роковую ошибку, когда решила присвоить бойца себе. Воля этой девочки была достаточно сильна, чтобы менять обличье. Этой воли достанет, чтобы решать, кому служить, а кого уничтожить.

Сказки из послесловия

Сказка про бурого мишку

В одном дремучем-дремучем лесу жил да был сердитый бурый мишка. Мишка никого не пускал в свой лес. Он грозно ревел, размахивал лапами и обнажал огромные острые зубы. Никому и в голову не могло прийти ступить в дремучий лес – на территорию бурого мишки.

Те же звери, которым не посчастливилось родиться на белый свет в дремучем лесу, исправно работали на своих огородах: зайцы растили капусту, хомяки – зерно, белки собирали орехи. Все они молча сносили буйный нрав сердитого бурого мишки, чтобы не накликать беду на своих малых деток. По осени звери собирали урожай, но приходил бурый мишка и забирал добрую половину их пропитания.

Сам бурый мишка ни капусту, ни зерно, ни орехи не ел, и звери удивлялись куда ему эти припасы. А зайцам, хомякам и белкам меж тем зиму зимовать и детей кормить.

Но никто бурому мишке перечить не смел – их самих не поел да и ладно. А сами-то звери уж как-нибудь – что они с капусты богаче что ли станут. Так и жили год за годом. Душа в душу, словом.

Никого-никого не пускал в дремучий лес бурый мишка. В каком-то смысле зайцев это даже устраивало – ведь охотники давно позабыли путь-дорогу в их леса. Всё заячья шкура целее.

Однажды осенью одна проворная белка принесла на хвосте новость. Собрались все звери на поляне послушать, что за новость принесла на пушистом рыжем хвосте своем белка.

– Я была на опушке леса, собирала желуди со старого дуба. И увидела, куда медведь уносит наши зимние припасы. Он на опушке обменивает их на мёд у людей.

– Вот шкура, – пропыхтел хомяк.

– Нет, не шкура, не шкура, – просвистел заяц, – за то люди нас не трогают, в лес не ходят.

– Сегодня не ходят, а завтра он и нас продаст, – затараторила белка, – он с человеком про заячьи шубы говорил. Вот зима придет, шубы вы, зайцы, поменяете, и пойдут ваши детки на шапки.

Заяц затрясся мелкой дрожью. От охотников-то он уж худо-бедно уходил, а от сердитого бурого разве куда скроешься – из-под земли достанет – не писан ему закон.

Так звери собрали свои котомки и узелки и пошли прочь из леса, пока шкура цела.

Сердитый бурый мишка вернулся в лес, обошел владенья – никого – ни одной живой души. Поревел он, повалил деревья да и успокоился. Принялся и дальше наводить ужас на окрестности. Остались в его лесу только паразиты да вре-

дители. С них медведю брать было нечего – они ничего не производили, а только наравне с ним брали и брали, пока не закончится лес.

Китобой

Когда Китобой шел по улице своего города, все вокруг останавливались, чтобы посмотреть на него.

В длинных косматых волосах Китобоя, из-под которых не было видно ни носа, ни глаз, ни его самого, ютились камушки, ракушки, сушеные водоросли, песчинки. Сложно было понять, что же представляет собой Китобой под копною этих нечесаных волос, но невозможно было и спутать его с кем бы то ни было.

Вот и сегодня ранним утречком Китобой важно прошествовал по дороге к морскому побережью, где было пришвартовано его утлое суденышко. Он вскарабкался на борт (иначе это действие и не назовешь), отшвартовался от берега и поплыл навстречу рассветному солнышку.

Он плыл весь день и целую ночь. Выпил почти всю пресную воду и съел все припасы. Наконец, к вечеру следующего дня Китобой заметил большого синего кита.

Кит пускал огромный фонтан и с удовольствием плыл себе в океане. Китобой, поднял все паруса и направил свой корабль прямо на кита. Конечно, кит мог одним движением своего хвоста опрокинуть утлое суденышко Китобоя и даже не заметить этого. Но Китобой бесстрашно вел свой корабль к цели.

Наконец, как ни стремительно плыл большой синий кит,

Китобой настиг его. Он забросил в океан гигантскую сеть, сплетенную им лично из прочных водорослей, добытых прямо со дна океана. Кит тут же попал в сеть, но чуток подавшись вперед, порвал её в клочья.

Тогда Китобой достал гарпун и метнул в кита. Но гарпун отскочил от гладкой блестящей спины кита, словно резиновый.

Китобойу ничего не оставалось, как прыгнуть за борт и погнаться за китом вплавь. Очень мудрое решение.

Долго плыл Китобой за китом, наконец, догнал его и схватил кита за исполинский хвостовой плавник. Но кит не сдался. Он понес Китобоя дальше в глубину океана.

Китобой успел вдохнуть, сколько мог, воздуха и только смотрел по сторонам на проплывающих мимо диковинных рыб, на коралловые рифы, на песчаное дно. Хотя что он мог увидеть из-под косматых своих волос.

Кит проплыл под водой и вновь поднялся на поверхность, чтобы выпустить фонтан и снова погрузиться под толщу воды. Китобой тоже вздохнул поглубже. И вдруг кит остановился. Он больше никуда не плыл.

Что же случилось? Китобой вынырнул из воды и огляделся. Оказалось, кит застрял между скал. Море коварно, уж кто-кто, а Китобой это хорошо знал. Он вскарабкался сначала на спину кита, а потом на одну из скал. Упершись ногами в каменную глыбу, Китобой изо всех сил потянул кита за хвост. Он поднатужился и вытянул кита из западни.

– Ладно уж, плыви в свое синее море, – произнес Китобой и выпустил кита из рук.

И вот Китобой устало бредет по улице своего города, и все вокруг останавливаются, чтобы посмотреть на него.

В длинных косматых волосах Китобоя, из-под которых не видно ни носа, ни глаз, ни его самого, поблёскивают мокрые камушки, ракушки, разноцветные водоросли, песчинки.

– Ну, что, Китобой, опять без улова? – спрашивают со смехом старожилы. А Китобой молчит. В его желудке пусто. Но на душе светло.

Никто не знает, сколько историй может поведать Китобой.

Пожиратель обезьян

Поговаривают, что пожиратель обезьян вскрывает череп пойманной им обезьяны и кушает обезьяньи мозги с великим аппетитом. Поговаривают, что пожиратель обезьян весь покрыт какими-то зловещими узорами. Кто-то слышал даже, что у пожирателя обезьян только одни клыки и растут в два ряда.

Поэтому в джунгли никто не ходит очень давно. Все сидят по своим домикам и дрожат. Дрожат все почему, не ясно, ведь пожиратель обезьян ест, по слухам, только обезьян. Но сегодня обезьяны, завтра люди. Того и гляди, нападет.

Как-то раз воины деревни, которую пугал пожиратель обезьян, которого они никогда не видели, отважились пойти в джунгли и убить чудовище.

Отправились они туда, надев свои доспехи из пальмовых листиков, разукрасив свои тела ритуальными рисунками и вооружившись самыми острыми копьями.

Долго ли коротко шли воины по опасным джунглям, настала ночь. воины развели костер, чтобы обогреться, приготовить еду и отпугнуть ночных хищников. Кто-то лег спать, а кто-то остался сторожить спящее племя.

Чуть только полная луна взошла на небосводе, джунгли словно ожили и наполнились дикими звуками и таинственным сиянием. Воинам стало страшно. Кто-то бросил свое ко-

пье и с криками убежал прочь. Должно быть, напрямиком в когти тигра. Кто-то пятился, озираясь по сторонам, и упал с обрыва. Кто-то спрятался в кустах и его ужалила ядовитая змея. Другие повскакивали и в диком испуге спросонья убивали друг друга. А те, кто залезли на деревья, были схвачены гигантскими хищными птицами.

Словом, к утру остался в живых один воин из всего войска. И то каким-то чудом. Он всё проспал и, выбравшись на солнечный свет, обнаружил следы кровавого побоища. Он сразу смекнул: не иначе, как пожиратель обезьян напал на войско и безжалостно истребил всех.

Делать нечего, пришлось одинокому воину держать путь домой. Только дороги домой он не помнил и скоро совсем заплутал, ведь долгая жизнь в полной изоляции сделала свое дело и даже воин из самого дикого племени забыл, как искать дорогу в джунглях. Голодный, измученный жаждой, плёлся горемыка сквозь непроходимые заросли, как вдруг услышал какой-то шум.

Воин пошел на шум. Осторожно крался он, чтобы не нарваться на хищников. Но увидел человека. Тот что-то мастерил из дерева и насвистывал какую-то детскую песенку. Воин воодушевился и вышел к незнакомцу.

– Здравствуй, незнакомец, – обратился к незнакомцу воин, – не сможешь мне найти дорогу к моему племени?

Незнакомец поднял глаза и улыбнулся:

– Отчего не помочь доброму человеку, конечно, помогу.

И они отправились в путь. Видно, далеко забрёл воин в поисках дома, долго пришлось идти путникам, пробираться сквозь джунгли, опасаясь диких зверей. Но незнакомец привел воина к родной деревне.

– Спасибо тебе, – поблагодарил воин своего провожатого, – А как тебя хоть зовут-то, незнакомец?

– Меня-то? – как будто удивился тот, но улыбнулся и ответил, – да все зовут меня Пожирателем Обезьян.

Воин застыл с разинутым ртом, но потом неожиданно для самого себя спросил:

– А отчего тебя так зовут?

– Наверное из-за этого, – и Пожиратель Обезьян протянул свою руку.

В его руке была все это время деревянная поделка в форме головы обезьяны. Голова причудливо открывалась и была полый внутри.

– Возьми, дарю, – добродушно протянул шкатулку Пожиратель Обезьян и скрылся в джунглях.

Охотник на крокодилов

Охотник на крокодилов, без сомнения, носит ковбойскую шляпу. Он плывет на лодке из разошедшейся древесины и высматривает крокодилов. Того и гляди, сам пойдет ко дну.

Охотник на крокодилов весьма самоуверен и горд. Ему, по слухам, есть чем гордиться. Ведь охотник поймал очень много крокодилов. Бесстрашно заходил он в реку, с минуту стоял там, не то прислушиваясь, не то присматриваясь, а потом уходил с головой под воду. И выныривал, неся в зубах пойманного крокодила. Жуткое и завораживающее зрелище, надо сказать.

Однажды охотник на крокодилов отправился на самый далекий край реки, где обитал гигантский, древний и свирепый крокодил. Проплыл охотник весь день. Сумерки окутали окрестности. Наступила ночь. И только глаза светились в темноте. Глаза охотника ли, крокодилов ли, диких ли зверей или птиц. Всю ночь плыл охотник без сна и отдыха.

На рассвете добрался охотник на крокодилов до самого далекого края реки. Причалил он к берегу, привязал свою лодку. А сам развел костер на берегу, чтобы приготовить на нем еду.

Наевшись, напившись, охотник вздремнул в тени раскидистого дерева. Ничего не боялся он. А проснувшись, стал поджидать древнего, гигантского и свирепого крокодила.

Сидел он так час и два и три, пожевывал какую-то найденную тут же на земле соломинку. Наконец, надоело охотнику ждать, он поднялся на ноги и уверенно направился к реке.

И тут гладкая поверхность реки зашевелилась, ожила. Из воды показался древний крокодил. Вся шкура его была испещрена старыми шрамами.

– Да, – произнес охотник, – на чемоданы ты уже не годишься.

Крокодил высунул глаза и уставился на охотника.

– Вот убью тебя сейчас и не останется на земле ни одного крокодила, – сказал охотник и бесстрашно, что ему было свойственно, пошел прямо на крокодила.

– Строго говоря, – молвил древний крокодил человеческим голосом, – не человек владеет землей, но земля владеет всем сущим. А что человек – мгновение, песчинка. Пустая трата времени – думать, что можешь решать, чему быть, а кому умирать. Нам, крокодилам, поклонялись, нас боготворили, на нас охотились, нас истребляли, придет время и станут отчаянно защищать. Времена и люди меняются, а мы, крокодилы, были здесь до человека, будем и после. Появившись вместе с землей, только вместе с землею исчезнем.

Но, конечно, крокодилы не только не говорят, так еще и дела до того, что думает и говорит пища, им нет. А потому древний крокодил в ответ на слова охотника лишь повел огромным хвостом, и вода в реке словно вскипела, пошла пугающими, помутнела и ожила. Поднялись со дна реки сот-

ни крокодилов. И больше охотника на крокодилов никто не видел.